

СТЯАКЕР

Дмитрий Манасыпов

[ПИТЕРСКАЯ ЗОНА]
ТЕМНЫЙ АДРЕНАЛИН

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Манасыпов

**Питерская Зона.
Темный адреналин**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Манасыпов Д. Ю.

Питерская Зона. Темный адреналин / Д. Ю. Манасыпов —
«АСТ», 2017 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-104934-8

Питерская Зона умеет хранить тайны и загадки. Хочешь разгадать хотя бы одну? Приготовься заплатить самым дорогим. Урфин и Баркас, бывшие недруги, ставшие напарниками. Они идут в Зону последний раз. За настоящим сокровищем. Чтобы больше не рисковать жизнью. И поможет им только разгадка одной из тайн, скрытых внутри мертвого города святого Петра. Они не верят в судьбу, они верят лишь в сталь, порох и свинец. Но когда кровь закипит дьявольской силой темного адреналина, останется лишь довериться случаю. И опыту сталкеров-ветеранов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104934-8

© Манасыпов Д. Ю., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Типа пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	18
Глава третья	30
Отступление первое. Немного ранее и намного дальше	40
Глава четвертая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Манасыпов

Питерская Зона. Темный адреналин

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

© Д. Манасыпов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью, подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Ища в себе свет... не удивляйся тьме.
«Песни Койота»

Типа пролог

Чуть раньше и в Питере

Колька-Фокус трусил. Отчаянно, неумолимо, дико. Сердце аж выпрыгивало из груди, так сильно билось. Все порывался выглянуть, найти глазами небольшой кусочек улицы, где безопасно, и... И бежать-бежать по нему, уходя в путаницу старых дворов. Другого средства спасения не виделось. Колодцев поблизости не наблюдалось. Да и опасно сегодня нырять в колодцев с канализацией. Очень опасно.

Там, откуда прибежал Колька, с треском разлетелся корпус легковушки. С ржавым тянущимся треском разрываемого металла. Преследователи шли по следу, искали повсюду. Невысокого юркого паренька найти нелегко, если тот не желает такого исхода.

Попади в тупик и сразу узнаешь много интересного. Как замататься в панике, оставаясь на месте и вжимаясь в крохотный темный уголок между крошащейся кирпичной стеной и вросшим в землю маленьким автомобильчиком. Ты будешь сидеть, прижимая голову к колесам, и ловить шум, доносящийся с проспекта. Грохот, ругань, треск, жуткие удары тяжелых шагов, шумное неживое дыхание и равномерное гудение поршней.

Колька опустил руку в сумку. Достал сокровище, блескучку. Последнее средство, на самый крайняк. Оставшийся фокус Фокуса, блин!

Голоса ловцов переговаривались глухо и невнятно, зло. Двигались к нему. Искали, рыскали по углам. Хорошо, нет нюхача. Нюхача Колька остановил в самом начале бега, подкинул обманку-приманку, и поминай как звали, долбаное чудище. Если бы не найденная красная паутинка, орать-то уже ему, пойманному. И никто ведь не услышит, все по делам разошлись. Он, дурень, поперся на речку посмотреть, хотел дойти до памятника. Забраться на коня, обнять всадника в плаще и посидеть, ловя глазами редкие спокойные волны. И зашел в сад рядом с проклятым замком. Как есть проклятым. Ох, лучше бы он остался поспать дома...

Распоротая от капота до багажника машина закричала-заплакала металлом. Звонко, страшно, до мурашек, продирающих от ушей к пяткам. Эти всегда рыщут до последнего, люди им нужны постоянно, ищут-ищут, почти каждый день. С людьми в Питере плохо, потому цепляются за каждого встреченного и гонят, сколько могут. Хорошо хоть, нюхачей у них не много. Справиться с полсотней кило мускулов, вязкого сала, толстенной шубы, спутавшейся в жесткие острые косички, да с клыками, с когтями, бьющими как штык-ножи... Не-е-е. Колька мог обмануть, как недавно, и все.

Черные рыскали по всему Питеру. Искали выживших, загоняли как могли, лезли в такие темные уголки, куда не совалось даже жадное сталкерье. И этим нужны не только люди. Хотя за Колькой они гнались пусть и недолго, но умно. Не впейся в нюхача красная паутинка, поймали бы раньше. А сейчас... может, и есть шанс.

Вон незамеченное подвальное оконце, темнеет дырой без стекла. Только до него метров двадцать по переулку, упершемся в длиннющую глухую стену. И бежать как раз к грохоту и треску уничтожаемых машин. Чего им надо? Зачем искать и без того не самых счастливых человек?

Колька выглянул из-за машины. Из-за огромной кочки, сплошь поросшей грязью, мхом и побегами вьюнка. Разве только цветы не распускаются. Выглянул, оторопел от вида огромного монстра, тяжело топающего к нему. С таким даже Крому не справиться, наверное. Или только Крому с его родственниками. А он идет за совсем небольшим Колькой!

Была не была!

Блескучка, откликнувшись на просьбу, закрутилась в воздухе, летя к нарастающему топоту. Колька рванул вперед, стараясь попасть в прыжке в окошко. Мысль колотилась в голове – одна и дикая. Только б долететь, только б не зацепиться о стену, только б...

* * *

- Бенгалка!
- Цель уходит!
- Твою ж!..
- Огонь по цели!

Грохот, свист сгорающего кислорода, плещущее пламя и не замолкающий вопль Ругера, заживо сплавленного с металлом и пластиком экзы. Группа Реда, ведущая поиски местного, таяла на глазах. Ред злился, но терпел. Ласка, стрелявшая транком, попала. Божилась, что зацепила мутировавшего сучонка, махнувшего в них аномалией, как печеной картошкой. Гребаное сучье племя эти местные! Сколько ни заработай на каждом, потеряешь больше. Надежных людей уж точно. И псов. Местного пса, обработанного лабораторией и выданного для поисков, жаль. Даже больше Ругера. Отличный был пес. А эта паскуда умудрилась кинуть тому в морду новорожденное «перекати-поле». И все, нет пса. Есть страшный костяной куст, распоровший зверя насквозь, украшенный кишками, легкими и прочей требухой.

Группа шла за местным от Спаса-на-Крови. Наблюдатели засекли его в саду. И гнали до Невского, перекрыв пути отхода стационарными постами. Подход к ловле необходимых материалов у Мюллера серьезный. Сколько работал с ним Ред? Уже пару лет точно. Вахтовые методы его устраивали. Месяц здесь, выполняя задания Мюллера, месяц-два отдыхаешь. Интересного и жуткого Ред насмотрелся вдосталь. И даже очень хорошо пополнил счета в банках.

Но терять ребят из-за какой-то нелепости так и не привык. Или из-за ошибок и просчетов, которых не предусмотреть. Откуда Ред мог знать про фокусы с аномалиями? Да такого никто и никогда не видел. После пса, конечно, насторожились, но... Голыми руками кинуть дрянь, превращающуюся в напалм? Ругер даже успел протянуть металл лапы, надеясь отбить ее экзой. Не вышло...

- Ругера добейте. И спалите полностью. Потом подорвите.

На экзе стандартные шильдики производства. Следов не найти. Это Зона, мать ее, но следы надо замечать в любом случае. Слишком серьезные наниматели, очень любят безопасность. Чтоб никаких зацепок, и вообще. Ред, слушая плач пока еще живого Ругера, сплюнул.

- Нашли мутанта?

Ответа не требовалось. Берт, упакованный в экзу, как у бедолаги Ругера, топтался у сраного окошка. Гребаные дореволюционные дома с их первыми этажами, ставшими подвалами... Хрен достанешь нужное. Разве только чуть покалечив.

Инструкции простые: объекты должны быть живыми. И не умирающими при появлении на базе. Это Ред научился делать сам и научил остальных. От гарпунов для подводной охоты никто не помирал. И сбежать не могли, что важно.

Данг, данг... хруст после попадания. Правильно, Берт, теперь подсекай нашу золотую рыбку. Нам их еще удить и удить для ухи чертова Мюллера и его шеф-повара Менгеле. От позывных этих двоих Реда коржило. Резало слух... но деньги-то не пахнут. А платили без задержек.

Лебедка, встроенная в экзу, зажужжала, вытягивая худенькое тело. И впрямь мальчишка. Жаль? Да вот еще. Реду на мутантов наплевать, и с высокой колокольни. Ему люди-то важны только как винтики в его машине.

Пеленали местного, выжившего после Прорыва и сумевшего приспособиться, качественно. Тугой мешок типа смирительной рубашки весь в завязках, из кевлара с полимером,

растягивающийся и не рвущийся. Плюс затянуть ремни с прочными вставками из металла. Пока в отключке – и намордник, чтобы между зубов каппа уместилась. Менгеле любит целые экземпляры. На кой ляд они ему без языка, если что случится?

О, пришел в себя. Крутит желтыми кошачьими глазами, дикими, злыми. Добрыми не с чего им быть, если разобраться. Тут Ред даже не подумал бы с ним спорить. Злись, дружок, есть с чего. Можешь еще напугаться и даже напрудить в штаны. У этого, кстати, вполне цивилизованного, они присутствовали. И даже новые, камуфлированные. Один черт, дикарь, не человек и все такое. Товар. Достаточно дорогой.

Товар и группа загрузились на «Ос». КПК пискнул, выдав безопасный маршрут. Сталкеров в пределах постов слежения не наблюдалось, можно ехать. Сам Ред, два бойца и Берт в экзе дотопают пешком до запасного схрона. Оттуда до замка-базы пройдут через тоннели.

* * *

Колька-Фокус смирился с судьбой. Сделать-то все равно ничего не получится. Трясся в люльке странного то ли мотоцикла, то ли еще чего. Говорили старшие о таких, только сам не видел. Не ввали. Скоро так по Зоне и танки кататься будут, что ли... Тогда местным и конец. А вот он... Додумать не вышло. Увидев надвигающуюся громаду замка, Колька задрожал.

– Молодой... – Голос шел сбоку. – Хорошо. Самое то для меня. Спасибо, господа. Поработали прекрасно. И вам также, моя чудесная дама.

Потом прямо над ним возникло лицо в очках. Обычное лицо. Чистое, без признаков мутации, как у любого местного. Лицо улыбнулось.

– Добро пожаловать, молодой человек. Не представляете, как я рад вашему прибытию. А ваши эмоции, если честно, меня не интересуют. Совершенно. Так... готовьте операционную. Состояние объекта удовлетворительное, но проверим экспресс-анализами. Необходимо переходить к третьей фазе. Темный адреналин, мой мальчик...

Он погладил Кольку по щеке, не глядя в испуганные глаза.

– Темный адреналин, мой мальчик, – это будущее. А ради будущего иногда стоит жертвовать многим. Даже юными жизнями.

Глава первая

Настоящий футбол посреди Поля Чудес

Настоящие мужики играют в регби. Настоящие американские мужики, сами понимаете, играют в американский футбол. Кто из них круче – совершенно непонятно. Ясно одно. Лучшими игроками в овальный мяч по-любому являются «Олл Блэкс» из Новой Зеландии. Маори, угу. Хака, перу-перу, пальцем по горлу для противника, хардкор на поле, выбитые зубы и все такое.

Урфину, так-то, класть с прибором хотелось на все эти буржуйские спортивные забавы. Любил он, как нормальный мужик, только хоккей. Не, футбол тоже ценил, но на уровне сборных. Особенно если в чемпионаты выходили исландцы. «Ну, ты настоящий исландец!» – говаривал, помнится, батя. Когда хотел похвалить. Это да, это приятно было.

Хотя сейчас Урфину настоящие мужские развлечения не вспоминались. Вспоминались именно пошлые буржуйские. И почему же, действительно? Ну да. Крайне сложный вопрос.

Потому как троица Гиен старательно изображала игроков в регби. Бежала лицами друг к другу и постоянно перебрасывалась не кислой серо-красной чечевицей. Точь-в-точь похожей на мяч для указанной игры. И ругались Гиены ровно с тем самым зверским видом, с каким маори из «Олл Блэкс» изображают предматчевый боевой танец-хаку. Рожи у них кривились так же свирепо. Хотя и немного растерянно. Если не сказать... печально.

Урфин ухмылялся, глядя на троицу, и порой разрешал себе отвесить ближайшему поджопник. С ноги, ясен перец. Настоящей сталкерской бутсой. Инновационным говнодавом, что в огне не горит, в кислоте не растворяется, а по свежим порослям острой жесь-травы можно бежать и за ноги не переживать. И тяжелым. Но позволял очень редко. Потому как замыкал их сложное тактическое построение. Зона вокруг, бродяги. Тут не до развлечений.

Баркас шел ведущим. Меняться они думали где-то перед Рогаткой. Московской, другой поблизости не наблюдалось. Так и шли: хмуро-сосредоточенный Баркас, веселая тройка регбистов и он, Урфин. Почему так? Ну, причин немного. Целых три.

Обычно, говоря «Гиены», прибавляли «уродские». По-другому и не сказать. Мародеры, бандиты, себя именовавшие рейдерами. Любимое занятие – караулить одиночек и лишать их незаконно нажитого хабара. Так что нелюбовь к Гиенам стала причиной номер три.

Причину номер два создали сами Гиены. Ровно в тот момент, как решили подкараулить двух устало бредущих на отдых бродяг. Философский вопрос «а если бы они знали, кого решили погонять, то не стали бы», Урфин опускал. Так же решительно, как морально унижал оставшихся Гиен, выписывая им подсрачки. А оставшиеся – в смысле от пятерки. Двое остались гнить где-то позади. Вот такая вторая причина.

А первой оказалась та самая хрень в форме мяча для регби. Если точнее, то «бешеное веретено». Редкостный и крайне дорогой артефакт. И именно из-за него, замеченного Баркасом ровнехонько в момент, когда оставшиеся трое готовились принять ислам, ребятишки-то и выжили. И тут, как водится, все очень просто.

«Веретено», мать его Аномалию, штука феерично-убойная. Ровнехонько тот самый мяч, по прихоти госпожи Зоны вырабатывающий уйму энергии. Уймищу просто, прямо как двигатель стратосферно-космического многоцелевого Су-55. Вот только энергия эта укрощается за Периметром. А внутри него... А внутри него, обойдись с адским яйцом неверно, разлетитесь вы на миллиарды крохотных сталкерят. И все.

Контейнер не спасет. В Зоне заряженное ее адской и неумемной силой «веретено» к чертовой матери расплавит и разнесет любой. Даже из титано-керамического ультракарбоната, сделанного в условиях невесомости. И никакой другой артефакт его мощи не снижает. Никакой.

Никто не пытался слабить контейнер с охлаждением? С усиленными наружными стенками и амортизирующими прокладками внутри? А то! Еще как пытались. Только толку-то... Да никакого. Тяжелый, большой, неудобный. И очень дорогой из-за материалов. В общем, даже Грек плюнул, и все тут. Да что там Грек... Папа Карло, да вариться ему в смоле долго и больно, отказался от идеи. Никто не взялся бы ходить с ящиком а-ля холодильник формата «мини-бар» и чуть меньшей криогенной установкой. Ну его, хоть к монахам, хоть к послушникам.

А вот что делать, коли «веретено» с удовольствием, хотя порой и со скрипом, покупают все госконторы, связанные с высокими технологиями? Ну да, черный рынок. Ну да, военные и сами рыщут в поисках такой красоты. Но... это Зона, братишки, а она, чертова стерва, играет по своим правилам. Потому военстал пройдет в метре от «веретена» и не заметит бешено вертящийся ало-стальной бок аномального мяча для регби.

И что остается? Все верно, бинго, вы выиграли сектор «Приз»! Остается только извлечь мячик из его колыбельки. Вооружиться тактическими плотными перчатками, напарником, а опционально еще двумя, и вперед приставным шагом, изображая квотербека. Ну или еще кого-то. Нафига два напарника, акромя того, что берет и отдает обратный пас? От анчутка... Чтобы следить за местностью и прокладывать дорогу. Ну да, теперь сразу все ясно, и все такое.

Урфин хмыкнул, наподдав ближайшей Гиене. Костлявый длинный рейдер хрюкнул с досады и чуть не пропустил пас. Но справился. И даже не заработал следующий, поощрительно-воспитательный пендель.

Баркас остановился. Гиены замерли, едва не столкнувшись. Урфин чуть развернулся, оглядываясь. Слух вроде не подводил, ничего подозрительного вокруг нет. Уж не слышно, это точно. Но своему напарнику доверял. Что-что, а чутья Баркасу хватало с избытком. Раз остановился, то не просто так. Хрень, чего еще скажешь?

Баркас стоял, водил головой по сторонам и чуть ли не нюхал, как собака, подняв верхнюю часть маски-забрала, а нижнюю, дыхательную, полностью отстегнув. Еле заметно шевелил ноздрями, ловил воздух, старался найти в нем что-то важное, что-то нужное и что-то понятное. Точно, какая-то хрень.

Гиены, стараясь не отходить друг от друга, аккуратно играли в пас. «Веретено» матово прокручивало темно-серые и алые полосы. Изредка пованивало плавящимися штурмовыми перчатками. Урфин недовольно покачал головой. До Периметра еще долго, а безумный яйцемяч что-то очень разогрелся. Вроде бы должен наоборот...

Хотя наоборот... Это там, на нормальной земле, логика и физические законы всегда правы. Не здесь. Здесь все по-другому.

Ветер несет запах гари? Готовьтесь попасть по пояс в воду. Под ногами стучат твердые остатки асфальта? Ждите зыби или болота на следующем шаге. Прямо по курсу неожиданно ласково кивают головками васильки? О, аккуратнее, жесь-трава здесь режет даже металлопластик подошв. Это Зона.

Баркас снова поднял руку. Сжал кулак, еле заметно ткнув пальцем куда-то в сторону огромной кучи мусора. Этакой местной достопримечательности. Чего в ней только не виднелось. От оконных рам, густо оплетенных плющом, до одиноких ботинок без своих пар, кем-то аккуратно и регулярно выставляемых по самому краешку. А уж украшением ее служило чучело из высушенного Красного, когда-то давно примотанного колючкой к вкопанной трубе с наваренным поперек швеллером. Знак Бледа, все-таки сгинувшего в Зоне.

Ветер рвал густые серые клочья, перекатывающиеся в небе. Гнал волной густую жесь-траву, окружавшую кучу. Хлестал оставшимися длинными косичками-дредрами мумии. И заставлял волноваться острый нюх Баркаса, жадно ловящего в воздухе и ветре опасность.

Урфин прищурился, оглядывая свой участок ответственности. Тыл он вроде как прикрыл четко. Справа пустырь и трава, слева выжженная стоянка и пара-тройка ржавых черных кузовов. Все просматривается, все спокойно... но червоточина внутри не отпускала. Ввинчивалась

глубже, въедаясь куда-то в то место, где должна быть душа. Или тот самый орган, выделяющий адреналин. Хрен знает, как там у организма устроено...

Негромко кашлянуло сбоку. Урфин оскалился и отступил назад. Кашлянуло снова. И еще раз, и опять. Гиены замерли, чуть не перестав перекидываться «веретеном». Урфин усмехнулся. Надо же, бывалые сукины коты, поняли что к чему. Какого ж рожна, ребятки, вы на нас то полезли? Если уж разбираетесь в госпоже Зоне и ее обитателях, а?

Кашляли, разлетаясь в мелкую смертельную пыль, коробочки смертоцветов. Разбрызгивали в стороны семена, цепко хватавшиеся за любого живого, пускавшие моментально крючки-зубья, рвущиеся к трепещущей плоти, стремящиеся пустить в ней корни, выводя новые и новые цветы. Такие, что украсили бы собой что Аид, что любой круг Ада.

Чих-чих-чих... Урфин косился в их сторону. Метров двадцать. И слышно только из-за неожиданно свалившейся тишины и Баркаса, задержавшего их всех. Семена не достанут, как ни стараются. Только дело в другом. Смертоцветы просто так не разрываются. Что-то их потревожило. А что-то может быть только сработавшей гранатой, например, или МОН-кой. Но ни того, ни другого и в помине не случилось. Значит, что? Значит, кто-то рядом. Кто-то, пока невидимый. И этот кто-то... Урфин прижал приклад АС-25 к плечу, сдвинул шлем на затылок. Гиены замерли. Ага, паршивцы, проняло?

Если сталкер стягивает шлем с головы и готовится к бою, то тут два варианта. С первым все ясно. У бродяги поехала крыша, и он возомнил себя бессмертным берсерком. Тут или валить нахер... или валить его. Пока своих не завалил. А вот второй случай хуже. С рассудком у него все в норме. И с интуицией. И ей сталкер доверяет больше. Именно сейчас, когда ждет серьезного противника. К черту электронику. Слушай, смотри, нюхай.

Ты человек. Твоя кровь помнит многое. Она подскажет, как быть. Твои предки ходили на медведя с рогатиной и ножом. Твои прапрадеды снимали врага за сто метров из кремневого мушкета. Твои давние отцы по запаху находили противника в лесу и засаде. Электроника не заменит тебя самого. Это Урфин знал четко. Этому он верил больше гарантии производителя. И Гиены это понимали.

Урфин втянул воздух. Глубоко, несколько раз прерываясь, гоняя его по носу. Туда-сюда, как пробуют хороший чай, катая по языку. Да-да, только так и поймешь, что тебя ждет. Вернее, кто. Нюхай, бродяга, слушай, смотри лучше. Лови мелочи, распознавай крохи, говорящие о многом.

Когда смертоцветы разлетаются бурой шрапнелью, и никого... Так не бывает. А невидимок в Зоне нет. Пока вроде как. Хотя от этой подлюки можно ждать чего угодно. Вот только Урфин склонялся больше к другому варианту. И его, этот вариант, пытался отследить по вполне понятным подсказкам.

Еле уловимый хруст подсохшего дерна. Ветер, рвавший Зону со вчерашнего вечера, наждаком прошелся по земле. Свел в жесткие складки, разметал сухую траву, пустил трещины по недавней грязи. Сейчас оно все прямо в кон. Сейчас оно только помогает. Ну, ну... где еле слышно щелкнет и брызнет чуть заметной крошкой? Где почти неуловимо приподнимется сразу несколько пучков жесть-травы? Откуда неожиданно понесет пробившимся наружу смрадом и гнилой засохшей кровью? Ну, где ты, скотина?!

Гиены, замершие в ожидании, все еще перекидывали «веретено». Это они делали верно. Разбежаться им никто не даст. Пулю в спину, и дело с концом. Это понимал каждый из рейдеров. Вот и пасовали никак не угомоняющуюся фасолину, все яснее краснеющую и еле заметно воющую. «Веретено» не успокаивалось. А ведь должно. Должно, отдалившись от своей «матки» на километр, успокоиться и заснуть. А эта хрень, мать ее, набухает и превращается в готовую прорваться кисту. Таковую, что не поймешь, где затыкать.

Ветер взвыл. Кинул в лицо мелкую острую пыль. Урфин вздрогнул, услышав вместе с порывом тихое кашлянье. Пронесло... новая коробочка взорвалась совсем далеко. А ветер сдул все семена. Один Гиена дернулся, вспотел еще больше.

Смертоцветы убивают не сразу. Мгновенно они только вырубают. Спинной мозг и те нервные узлы, что отвечают за движение. И человек корчится на земле, воя от боли и страха, чуя внутри себя стремительно расползающуюся колкую паутину прорастающих гиперсемян. Только лопается кожа, разлетается алая и темно-красная взвесь, летит вверх истошный вопль, и все. Сколько таких бедняг добил сам Урфин? Много. Пятерых.

И цветы отвлекают. Заставляют пугаться, дергаться, не следить за Зоной. А она такого не прощает. Никогда и никому. И Урфин уже знал, кто сейчас пользуется этой ловушкой, выросшей на проклятой земле города, когда-то названного в честь святого Петра. Он знал. И ждал. Прямо сейчас... вот-вот... ну...

Баркас завалился в сторону, сильно оттолкнувшись и откатываясь от разрыва справа. Земля взорвалась, раскидав в стороны комья земли, мусор и мелкие камни. Средние, впрочем, тоже. Один приложил того самого Гиену, шарахнувшегося в сторону. Прямо в точку. Приласкал, жестко и сильно, выбив сознание и едва не раскроив череп. Крови оказалось немало. Струйки так и брызнули, смешиваясь с оседающей пылью.

Но это Урфина уже не интересовало. Важнее оказались две вещи. Куда порскнет хозяин матово переливающейся шишковатой спины, украшенной пластинами. И что же вытворит «веретено», уже выпущенное Гиеной и начавшее свое последнее вращение?

Но сперва надо разобраться с причиной разрывающихся смертоцветов и раскиданной земли. С шуршуном, мать его. С чертовым подземным убийцей, покрытым хитином аки шишка. С тварью, подвижной, как крыса, и роющей грунт, как охрененно выросшая медведка. Со сволочью, погубившей не одного бродягу.

Баркас, турманом откатившись в начале землеобстрела, выстрелил, перекатился дальше. Пули АК-25 щелкнули по защитным пластинам шуршуна, еле слышно треснуло, и все. Тварь, поднимая вверх землю, траву, пыль и камни, резво меняла позицию, скользя невесомо и ужасающе быстро.

Стрелять в спину Гиенам, бросившимся наутек, Урфин не стал. Нафига? А вот в ногу каждому – это правильно. Так, чтобы могли бежать совсем слабенько. Шуршун животного неглупая, но – и это точно – все-таки животное. И голодное, судя по всему.

Урфин влепил очередь вдоль хребта метнувшегося мутанта. Пули стукнули, ровно как гвоздь по бетону, ушли в сторону, не причинив вреда. Да уж... попался им, скорее всего, матерый экземпляр. С пластинами, что только бронебойными и возьмешь. Но попробовать стоило. Были ли у Урфина патрики с усиленным сердечником? А то, конечно, были... да сплыли. Сутки назад, когда пришлось отстреливаться от здоровяка, прикрывавшегося куском металла. А вот оставались ли они у Баркаса?!

Гиена заорал. Дико, разрывая глотку от боли. Второй вопил потише, хотя и ему досталось. Скорее всего, хвостом. Толстенной жесткой змеей, украшенной кривыми, разрывающими плоть шипами. Им-то, хвостом, шуршун перебивал кости ног с места, наматывая вокруг человека обманные петли. Так вышло и здесь.

А Гиена орал только потому, что тварь явно сходила с ума от голода. Ничем другим и не объяснишь кусок мяса, выданный из его бедра. Ну а как, если плоть защищала только штанина лажового комбинезона. Совсем лажового, дешевенькой подделки под «ратника». Этот «недокевлар» зубам шуршуна поддавался легко. Но такое Урфину встречалось в первый раз. Почти нажав кучу на стрельбу в свою сторону, мутант метался, разбрасывая землю, и одновременно жрал. Да, жрал, прямо на ходу. Гиена все так же вопил, хватаясь за бедро, лишившееся минимум трети.

Урфин в два прыжка оказался у вросшего в землю «Икс-Рея». Осторожно забрался на капот, надеясь, что металл не треснет. Зря. В смысле, зря надеялся. Нога с хрустом ушла чуть не по колено. Хорошо, вставки смогли защитить и ничего серьезного не случилось.

Развернувшись боком к куче пыли, где орали уже обе Гиены, Урфин выматерился. Тяжело и просто непростительно для своего прошлого. Но ничего другого не оставалось. Ситуация уложилась в два существительных, междометие и союз.

Баркас, скорее всего оглушенный случайным попаданием по шлему чем-то серьезным, валялся по самому краешку пыльной бури. Никак не оседающее облако шарахалось из стороны в сторону, живой стеной скрывало нутро.

Внутри, где визжали и плакали, мелькало быстрое и темно поблескивающее, хрустело, скрипело и рвалось. Ну и цвет бури поменялся. Посреди буро-серого облака изредка взлетали и тут же пропадали брызги-маски красного, алого и прочих оттенков двух цветов. Шуршун не терял времени. Шуршун пополнял запасы собственного желудка, кишечника и жирового слоя, проходящего по обеим сторонам хребта и надежно прикрытого пластинами.

И еще, пробиваясь через буро-серую пелену, моргал внутри яркий огонек. И думать о его причине не приходилось. Чертово «веретено» желало жахнуть. Со всей мощи.

Урфин вытащил ногу. Ругнувшись, оторвал совсем уж наглую многоножку, старательно жующую наколенник, сжал кулак. Сдавленно жвакнуло, брызнув в сторону полупрозрачным желтоватым студнем. Урфин терпеть не мог насекомых. Очень даже терпеть не мог. Весьма.

Итак, шанс выпал. Шанс из тех, которыми не хвастаются. Шанс той породы, что скрывают до самой смерти. Две жизни за две. Если повезет, то он вытащит Баркаса. Соблазн удрать одному? Был. Урфин не любил вранья самому себе. Мелькнула мысль оставить Баркаса. Успеть добежать до ближайшего, маячившего метрах в пятидесяти завалившегося дома и переждать взрыв «веретена».

Вот только... Урфин сплюнул. Мотать головой, отгоняя мысль, явно глупо. Потому и просто сплюнул. И рванул, как мог, к Баркасу, вроде как пошевелившемся.

Не обломилось. Чертовых тварей чертовой Зоны порой обмануть очень сложно. Если не сказать, что вообще никак. И понять это оказалось просто. Даже на бегу. Даже краем глаза. Хотя и неся Урфин длинными рывками, больше похожими на прыжки кенгуру. Поди попробуй разгляди здесь что-то. А вот ведь...

Прыжок, взгляд вбок. Красного уже меньше. Крика почти нет. Пыль стоит...

Прыжок, взгляд вбок. Серое и черное, перемазанное блестящим и уже не красным...

Прыжок, взгляд вбок. Пыль почти осела. Блеск скрылся. Кроме одного места...

Прыжок, взгляд вбок. Буря кончилась. «Веретено» разгоралось все ярче...

Прыжок, взг...

Урфин начал стрелять на бегу, понимая, что не попадет. Тварь, наполовину врывшись в сухую землю, уходила вбок, нарезала зигзаги, мешая прицелиться. Выпущенные пули стукнули по мощным пластинам, прикрывавшим голову, шею, спину, грудь. Стукнули, треснуло, сломав одну... и все.

Твою мать! Урфин выпалил оставшийся магазин так быстро, как никогда и не стрелял. Получилось не многое. Но что вышло, то и вышло.

Предел прочности есть у всего на свете. А уж у хитина мутировавшей непонятной скотины так тем более. Нет бронебойных? Бей в одну точку!

Шуршун, почти добравшись до Урфина, остановился. На какие-то немыслимо длинные три секунды. Остановился, раздраженно захекав и врывшись глубже, поднял левую лапу, сплошь покрытую наростами. Прикрыл ею пасть, судорожно топчась на месте и не решаясь кинуться на опасного, хотя и явно вкусного человека.

Пули простучали отходную по Урфину. По-другому думать и не выходило. Так-так-так, чечетка по шишкам, грязным, с серыми и черными полосами, налезавшим друг на друга.

Сплошь закрывающим внешнюю сторону широкой, смахивающей на весло для каноэ лапищи. Урфин услышал щелчок и легкий металлический звон, когда затвор дернулся в последний раз. И успел поразиться тому, насколько красиво играет еле-еле проглядывающее солнце на самых кончиках широких и убийственно твердых когтей твари. От дела...

Шуршун тяжелый. Из чего появилась такая вот хрень... Урфин знать не знал. Да и знать не хотел. Вот куда ему стрелять – знал. Но ведь те самые патроны... м-да... Надежд у него было ровно две. На собственный, дорогой до неприличия и очень надежный комплект «ратник», спасавший не раз. И на то, что он продержится ровно до того момента, когда Баркас очухается. А, точно. Еще на то, что у Баркаса есть необходимые боеприпасы.

Шуршун атаковал быстро. Так быстро, что Урфин едва успел подставить ствол, ударил прикладом, метя зверю в голову, пытаясь задеть правый глаз. Получилось как-то не очень.

Тварь ударила боком, сбила его с ног, наподдав плечом и отбросив назад. Пришлось кубарем пролететь пару метров, становясь все ближе к треклятому «веретену», явственно гудевшему от накопленной и рвущейся наружу энергии. Шлем, не желающий улетать, крепко врезал по затылку, добавив мельтешения в глазах. Урфин как смог перекатился через себя, отбросив явственно хрустнувший АС, и лапанул кобуру. Одновременно подняв глаза и понимая, что не успеет. Совсем не успеет.

Смерть ему выпала страшная. Такая, что врагу не позавидуешь. Охренеть просто...

Крыса. Медведка. Броненосец. Смешать, взболтать, добавить лютости.

Черные шарики глаз, слишком маленьких для такого огромного тела.

Выпуклые темные шишки пластин, закрывающих все без разбора.

И пасть.

Пасть, раскрытая так сильно и широко, что в ней можно утонуть наполовину.

Ревущая, брызжущая слюной и чем-то еще, несшаяся на Урфина, как локомотив.

А застеежка не поддавалась. Пасть летела. Пять, три, один метр...

Когда ухо обожгло жаром, а пасть свернула в сторону, жутко взревев, Урфин сел на задницу. Совершенно обессилев и очень удивленный. Проследил взглядом за шуршуном, утекающим куда-то вдаль. Пока тот не взорвался. И пока Урфину на лицо не шлепнулся кусок трубки, разлетевшейся в радиусе метров двадцати. Только потом все стало ясно, и он оглянулся.

Ровно для того, чтобы полюбоваться на Баркаса, скрипящего зубами от боли, но так и застывшего в позе старичка Роналду, давным-давно пробившего свой главный штрафной на двадцать-восемнадцать. Тот был такой же довольный, если Урфин правильно помнил свое детское огорчение.

– Ногой?

– Угу.

Урфин сплюнул и попытался прикинуть, как такое возможно? Ну как можно вбить эту хренову чечевицу в глотку мутанту, а?

Баркас ухмыльнулся.

– Я в регби играл. Всю юность. И даже в спортроде служил сначала.

О как. Оставалось только порадоваться за его любовь к буржуйским видам спорта. Ну а как еще?

– Молодец, – похвалил напарника и встал. – Потопали домой?

И потопали. Потому как больше идти некуда. И незачем, если вдуматься. Некоторым личностям хорошо только в таких местах.

Опасность. Всегда и везде. Пахнущая, как и обычно, легко и узнаваемо. Потом, страхом, кровью, порохом, зверем и недавно точенной сталью. Запах опасности всегда один и тот же. Он не меняется никогда и нигде. Разве что разбавляется другими. Как здесь.

Сырьстью и стоялой водой, загнивающей в топях и даже в Заливе. Город, стгноивший тысячи и тысячи, гнил сам по себе, затягиваемый болотами, дождавшимися своего часа.

Озоном надвигающейся с Залива черной громады Бури, ее спутников, огоньков-эльмов и бьющих ломаными вилами-зигзагами молний.

Влажностью домов, брошенных без ремонта, умирающих, крошащихся и разваливающихся на куски сползающей отмокшей штукатурки, и мириадами насекомых.

Нечеловеческим запахом местных, оставшихся и вновь появившихся в городе святого Петра, тенями незримо догоняющих любителей наживы.

Разложением останков тех, кто был неосторожен или переоценил свои силы, зайдя дальше предела своих сил и возможностей.

Зона пахла смертью. Смердела ею, всегда. Рассвет, полдень, фэйф-о-клок – без разницы. Смерть открыла свой филиал, и филиал приносил ей бешеные дивиденды.

От Московской Рогатки и дальше. Со стороны ЛАЭС и Финки. С Царского Села. Зона притягивала к себе неумных и неугомонных, родившихся то ли не в свое время, то ли просто не нашедших себя в жизни. Шедших в нее ежедневно, ежечасно, без усталости и с голодным блеском в глазах.

Совсем зеленые дурачки и дураки куда старше. Военные, бродяги, воры и мечтатели. Каждому находилось место и дело. Кому таскать на Большую землю арты Зоны и музеев, кому кормить кишками и мясом ее детей. Кто-то хапнет хорошо и вкусно, вернется и заживет ярко и пышно. Пока не загнется от передоза или стали в сердце. Кто-то так и останется рядом, не в силах выбраться. Зона тянула магнитом, облепляла со всех сторон. Кого-то горным медом, неожиданно становящимся раскаленной смолой. Кого-то сладкой мечтой, через секунду вспыхивающей напалмом.

Но они шли и шли. Один за другим, сменяя друг друга, пожираемые едким «киселем», гниющие заживо в кавернах «мешков», растворяемые в сознании «серой слизи». Сжигаемые «бенгалками», спаленные «микроволновками», раздробленные «фэйерверком», рассеченные «стекляшкой».

Урфин, шагая за хромающим и злющим Баркасом, думал. Так проще идти. Если умеешь думать и замечать нужное вокруг. Кому-то покажется глупым. Кому-то – опасным. Урфин чихать хотел на все мнения. Его интересовало только свое.

Урфин ходил сам по себе. Довольно долго. Изредка принимал шефство, когда просил кто-то достойный. Иногда брал группу, если речь шла о туристах. Тут никак без напарников. Считать последний год, когда выпала удача с Хэтом и Баркасом, не приходилось. Просто стало... немного безопаснее. А прикрытая спина, если плечо товарища теплое, а не остывшее, это хорошо. Такое ценишь не сразу. Но порой ему вновь хотелось пойти самому по себе.

Остаться один на один с чертовой сладкой сукой, так нежно любившей убивать и так ласково позволяющей надеяться на лучшее. Играть в ее игры, захватывающие до мокрых временами штанов, приходя в себя после сумасшедшего бега в местах, предназначенных совсем для другого. Считать патроны или искать глазами хотя бы что-то, позволяющее прожить больше на несколько ударов сердца.

Смотреть на серо-стальную однородную волну жесь-травы, от края до края, зовущую снова пройти прямо через нее. Добраться до почти недостижимого многим Невского, остановившись у Казанского и смотря на зеленый шар с фигурами, украшающими дом напротив, ощущать себя на краткий миг обычным человеком в странном прекрасном городе.

Коситься на сумасшедшие скоростные колючие шары «перекати-поля», носящиеся за любыми живыми рядом с ними. Вздрагивать от неожиданного грая наглых черных ворон, ждущих свежей плоти в подарок от своей хозяйки. Спуститься к Петропавловке, остановившись у зелено-непроглядной воды, держа палец на спуске и пытаясь заметить хотя бы немного очарования, убитого Прорывом.

Идти через улицы, полные призраков прошлого, через колодцы старых дворов, так не похожих на прочие, говорящие ветром и памятью прошлого. Заходить в самые обычные быв-

шие магазины, полные давно пропавшего товара, смотреть на так и не дождавшиеся детских рук еще цветные яйца «киндер-сюрпризов» или на редкие икебаны умерших букетов, почему-то не опавшие прахом, не получившие тепла человеческих ладоней.

Да, Урфину нравилось ходить в город. Останавливаться у одних и тех же домов, возвращаться к тем же самым, что и в прошлый раз, перекресткам. Слушать, вдыхать, чувствовать неуловимое, колючими разрядами пробегающее по спине. Влекущее и заставляющее возвращаться. А что именно? Его не интересовало. Ему просто нравилось ходить за Периметр. И не только из-за денег.

Каждый ищет себя в разном. Кто-то становится пекарем. Кому-то на роду написано стать гайцом. Кого-то успокоит только кожаное кресло и посадочные талоны в бизнес-класс. О ком-то с придыханием, осуждающе и восхищенно, говорят полушепотом женщины с опухшими после ночи губами. Каждому свое.

Время следопытов, первооткрывателей и авантюристов прошло. Жалкие остатки пиратов, на хреновых моторках гоняющихся за сейнерами и сухогрузами, не в счет. Последние пионеры австралийского буша носят джи-пи-эс и даже ночью ищут дорогу по его подсказкам. Исследовать что-то неизведанное можно или участникам марсианской программы, включая старичка Маска, или подводным наемникам нефтяных корпораций, добирающихся почти до Марианской впадины.

Мир вокруг перестал иметь тайны. Его нагло и цинично раздели, поставили в разные позы и рассмотрели насквозь рентгеном, видеокамерами и стрингерами. Окажись в Лох-Нессе чудовище, оно давно бы подписало контракт с цирком Гагенбека. Найди в Тибете снежного человека – его уже продали бы престарелой нимфоманке Хилтон. Тайны мира умирали вместе с ежедневно пропадающими видами амазонских пернатых.

Урфин не желал жить в мире вокруг. Не хотел платить по счетам деньгами, вмещающимися в строчку электронного кода, и завтракать долбаной булкой с яйцом в «Макдаке». Там он предпочитал пить кофе.

Ему не хотелось вставать поутру и ехать в подземке на работу. Носить искусственные волокна костюма по дресс-коду и слушать поучительные голоса коучей. И даже соблюдать правила дорожного движения казалось пыткой для нормального человеческого мозга.

Зона дарила свободу.

А свобода всегда оплачивается не деньгами. За настоящую свободу платишь собой. Кровью, плотью, душой и сердцем. Свобода не продается.

Урфин шел вслед Баркасу, глядя на белые пятна разводов пота. Сколько литров выходило из них в каждом рейде? Сколько воды выпито из фляг, чтобы выйти кристалликами на ткани? Даже современная ткань не спасала, выпуская наружу. Есть с чего, просто так ничего не бывает.

Жесть-трава цеплялась за ноги, злющая и не отпускающая таких «своих» сталкеров. Да-да, родная, мы идем и уходим. На время. Скоро вернемся, не переживай. Урфин ухмылялся мыслям. И самому себе.

Только что они оставили за спиной троих людей, кому-то дорогих и любимых. Всех кто-то любит, у каждого подонка есть мама. Узнают ли родные про их смерть?

Разменная монета Зоны – жизнь бродяги. Бродяга делает что считает нужным. Но счет ему предъявляют без форы на любые обстоятельства. Почему погибли Гиены? Потому что считали себя лучше и выше, чем Урфин с Баркасом. Жалел ли он о них? О совсем молодых мужчинах, погибших ни за понюшку табака? Наверное, да. Душа черствеет, когда тебя пытаются убить из-за денег.

Периметр уже виднелся. Не сами столбы, вышки, проволока, растянутая «егоза» и внимательные черные зрачки станковых пулеметов «Сармат». Нифига. Периметр виднелся чуть более зеленой травой и настоящими деревьями. Самыми их верхушками, появляющимися из-

за горизонта. И на душе у Урфина хриплый голос Арайи выводил Show no mersy, радуясь возвращению.

Только напоследок всегда нужно помнить о паре слов. Каждый говорит так, как хочет, вслух или про себя. Но говорит:

– До свидания, Зона. Я скоро вернусь.

Глава вторая

Отдых заканчивается быстро

За окном нудно шел дождь. Так нудно, что Урфину хотелось сразу нескольких вещей. Совершенно ему несвойственных.

Смотреть на дождь через окно, сидя в кресле.

Хлебать чай вприкуску с пряниками.

И слушать испанскую гитару.

А вот выбирать приходилось между стулом или лавкой, чай хлебать без пряников и... а вот музыки никто не предлагал. Окно, правда, было. И даже не особо грязное. За порядком у Сдобного следили.

Урфин покосился в сторону барных полок. Ну, выбор-то есть. Только надо оно? Неожиданно захотелось физкультуры и нормально выспаться. Пришлось силой воли подавить странные порывы. Силе воли удивительным образом подсобила половина сигары, оставшаяся с вчера.

Solyanka, как и обычно, шумела. Странного ничего, время-то вечер. Кто-то вернулся с ходки, кто-то проспался, кто-то просто приперся посидеть, потрындеть и людей послушать. Кто-то искал заказ, кто-то вынашивал хитрые планы разбогатеть по-быстрому. Таких, как правило, крайне быстро склевывали вороны в Зоне. М-да...

– Мистер Урфин не желает ли настоящего на орешках самогону, чистейшего, аки выделения младенца?

Дикой был в своем репертуаре. Нес ерунду в полной уверенности, что говорит весьма важное.

– Не желает, – пробурчал Урфин. – Чего тебе? В займы не дам.

– Вот еще... – Дикой нахально приземлился рядом, придвинув свободный табурет.

Чума, вместе с Бесом и Пауком резавшийся в карты рядом, покосился на Дикого. Но пока вроде ничего не сказал. Но для Дикого куда важнее, что ничего не сделал. Ссориться с Чумой чревато. В смысле, что теми самыми свежими и горячими звиздюлями. Ящик с ними Чума распаковывал крайне быстро. Когда пребывал в хорошем настроении. Если же Чуме кто-то попадался под горячую руку в плохом... Урфин потер скулу и костяшки правой руки. Зубной имплант после годовалой уже стычки Чума ему оплатил. После вердикта суда присяжных в виде Сдобного, Полоскуна и случайно забредшего по старой памяти Лорда.

В общем, не дружили они с Чумой. Но и ссорились не часто. А вот Дикому сам Господь Бог милосердный велел не задирать сурового кубического крепыша с огненно-рыжим ирокезом на круглой костяно-крепкой голове. Особенно когда тот резался с неразлей вода приятелями в покер. Но Дикой, если судить по азартно блестящим глазам, класть на все хотел.

Причем, зная Дикого, Урфин справедливо предположил, что в ближайшие пару дней тот делал бы это шикарно. Черной икрой, восемнадцатилетним виски, бланманже и еще каким-нибудь буржуйским извращением. Где-то и с кого-то околосталкер рубанул бабла. И не кисло, судя по всему.

– Ну? – Урфин нахмурился. С Диким иметь дело совсем не вариант. Такого пройдоху даже здесь сыщешь редко. Завязался с ним, так жди проблем. Проще с помершим Папой Карло связаться... было. Или с Маздаем.

– Дело есть, братишка... – довольно протянул Дикой и маслено улыбнулся, подмигивая. – В общем...

Урфин покачал головой, чуть изогнув бровь. Брови Урфина, черные, мрачные, нависающие козырьком, в Славянке знали многие. Если не сказать все. И такое вот движение гово-

рило взамен слов. Призывало, быстренько поразмыслив, тупо заткнуться. Дикой, как бы сильно ни находился навеселе, благоухая коньяком, разум и брненное тело не на помойке отыскал. И захлопнул варежку.

Урфин отхлебнул из кружки с котятками давно остывший чай и уже окончательно решил – таки взять тяжело-спиртового. Протянул руку и покачал пальцем прямо перед носом Дикого. Тот зачарованно смотрел за движениями пальца, украшенного глубоким длинным шрамом до самой кисти. Этот трюк Урфина многие знали не хуже. Но каждый раз попадались заново. А уж от чего шрам – от ржавой колючки, удара мутанта или неудачно вытащенного рыболовного крючка, – дело десятое.

– Ты мне в братья не набивайся, не заслужил. Это первое. Так?

Дикой, сглотнув, кивнул.

– Ты чего ко мне прискакал, а? С каких пор мы с тобой дела мутим? Это второе.

– Ну... Урфин... – Дикой «держал» удар и очень старательно сохранял «лицо». – Дело хорошее.

Урфин аккуратно сплюнул в пепельницу. Сигару, чуть не потухшую, прикусил зубами и начал мочалить ее кончик. Сурово, как и полагается крутому сталкеру. И рыскал глазами по сторонам. Не зря этот тут вьется, как уж на сковородке. Где-то здесь лопухи, разведенные чудом-юдом, боящимся ходить в Зону. Ну, точно...

– Вон та рыжая семейка в углу. – Урфин ткнул пальцем. Так, чтобы не оставалось никаких сомнений, что во всем разобрался. – Ты их сюда притащил?

Семейка не просто казалась рыжей. Семейство выглядело килограммом весенней мытой морковки, купленным в дорогом магазине. Родственники щеголяли апельсиновыми волосами такого яркого оттенка, что хотелось двух вещей. Прикурить от короткой огненной шевелюры девчонки-подростка и поинтересоваться у Чумы: не его ли брат с семьей пожаловали? Если, конечно, не знать, что Чума свой боевой ирокез красил.

Папа, мама, парень с девушкой, двойняшки лет по девятнадцать, и третий, совсем еще пацан. И какого им здесь сидится? Хотя ответ Урфин знал точно. Туристы, елки-моталки. Все встало на свои места.

– Они? – на всякий случай еще раз нахмурился, глядя на Дикого.

Да-да, согласилась яростно мотнувшаяся голова.

– Не, ни шиша подобного. – Урфин облегченно вздохнул и откинулся на спинку. – Фига, и никаких гвоздей. Иди, вон, Шеф уже две недели не выбирался за Периметр. Если Бульба в себя пришел, будут тебе проводники.

– Урфин, – взмолился Дикой, – шестьдесят на сорок.

– Да хоть семьдесят на тридцать...

– Идет! – Дикой аж подпрыгнул. Урфин окутался дымом, от злости затянувшись и даже не закашлявшись. Сколько ж ему посулили, раз он готов идти за такие деньги? Хотя, давайте-ка честно, вопрос тут в другом. Куда он их согласился отвести, раз ему нужны дорогие, аки новейший «ГАЗ Император», услуги Урфина?

– Фига, – пробурчал Урфин, стараясь не глядеть на мамашу семейства, уверенно прущую в их сторону. – К Шефу.

– Здравсьте! – Рыжее и полногрудое приземлилось рядом, сграбастав последний табурет.

Чума, только что явно продувший партию, развернулся, еще явнее думая высказать все имеющееся по поводу Урфина и его соседей и совсем уж явственно желая нарваться на драку. Такое после двух-трех подряд проигрышей с ним случалось постоянно.

Но сейчас, так уж вышло, все сподобились узреть воистину чудо. Чума кхекнул, последовательно наткнувшись взглядом на рыжие кудряшки, на глаза с плещущимся восхищением от крутых сталкеров, и уткнулся в декольте. Мамаша как раз в этот момент развернулась к нему, создав приятные глазу колыхания. Чума неожиданно покраснел и отвернулся.

– А... – Мадам недоуменно пожала плечами и вернулась к своей цели. То бишь к Урфину. – Здравствуйте. Я Энн.

– Прямо Энн? Не Аня, Анята или там Анечка? – хмуро поинтересовался Урфин, от души желая вежливо спровадить ее куда подальше и дать тумаков Дикому.

– Энн, – упорствовала мадам Рыжевласка и пожирала Урфина глазами. – А вы Урфин?

– Угу. Вас угостить коктейлем?

Мадам явно не желала понимать намеков. Так и захлопала ресницами, чуть не взлетев. Урфин вздохнул. Почему так необходимо прояснять явное?

– Я Урфин. Вы Анна. Там ваша семья. А вот это Дикой. И сейчас вы вместе с ним поднимете свои афедроны и пройдете куда угодно, хоть в лавку за сувенирами. Но без меня. Везде без меня. Несомненно, Анна, это звучит не особо вежливо, но мне как-то накладно на ваше мнение по этому поводу. Всего доброго. От коктейля зря отказались. Здесь вполне прилично мешают водку с соком.

Рыжая, дернув щекой, встала. Гордо, надменно и совершенно явственно демонстрируя свое пренебрежение таким вот клошаром, дающим ей советы. И даже стала открывать рот, еще более явно желая произнести что-то совершенно лишнее и ненужное. И, вероятнее всего, откровенно глупое.

Нет, Урфин очень уважал женщин. Особенно маму и бабушек. И учительниц. И даже... в общем, и даже. И мнение ценил и выслушивал. Порой даже соглашался. Порой слышал что-то настолько верное, умное и сказанное как раз вовремя, что совершенно не любил всяких глупостей по отношению к ним. В смысле, к женщинам.

Но рыжая мадам сейчас совершенно точно сморозила бы глупость. Да такую громкую и ненужную, что к гадалке не ходи. И уши греть кому-то из людей Новикова, а такие здесь точно есть, не стоит. Майор спецотдела полиции Новиков глаза на вольных бродяг закрывает, конечно... Но до поры до времени. Ну его, лишний раз будить лихо, пока то тихо.

– Сядь! – Урфин вздохнул. Дипломатничать он не любил. Но, судя по всему, придется.

Рыжая села. Надо же, даже смогла удивить. Хотя...

– На кой ляд я вам сдался?

– Ну... – Она нервно поправила кудряшки. Муж ее так и не встал со своего места. Как говаривал Хэт: беда-а-а...

– Желательно короче и яснее. Без слов-паразитов и лаконично.

Ну а как еще? Конечно, она удивлена. Все крутые сталкеры должны говорить или матом, как в дурных сериалах, или через слово упоминать аномалии, любимые марки оружия вкупе с количеством заваленных мутантов. Удивисься тут, если человеческую речь услышишь.

– Мы с семьей...

– И потише. – Урфин повернулся к стойке. Ему махнули, понимая, что сейчас необходимо. Манеры, в конце концов, главное оружие мужчины. – Не стоит громко рассказывать о том, для чего вам нужен я, самый обычный охранник.

– А... понимаю...

Женщины, женщины... Загадки, тайны, даже самые смешные и маленькие. Как же они действуют на вас, а? Дай прикоснуться к чему-то, о чем шепотом, и все, сразу все понимают. Подпольщицы, елы-палы. Женщина и загадка – сестры навек.

– Для чего вы хотите сунуться туда? – Урфин внимательно смотрел на нее, стараясь не обращать внимание ни на ненужное в баре декольте, ни на смешные кудряшки. – Ну?

– Интересно же...

Урфин вздохнул. Он надеялся на другое. На неожиданно всплывший семейный секрет, обнаруженный в дедушкином завещании. Мол, под пятой колонной Казанского собора в аккурат по азимуту зюйд-зюйд-вест отступи пять шагов и в третий день пьяной осенней луны уви-

дишь крест и череп, выведенные специальной краской в ту самую луну семьдесят три года и пять месяцев тому назад. А уж там в секрете...

Но нет, шиш с маслом, все куда прозаичнее. Интересно им, вот ведь. Интересно. Скучно живет в полноценной семье. Нет адреналина. Нет остроты ощущений. Утка по-пекински в горло не лезет, как ее токайским ни запивай, видать. В утку, сделанную личным поваром, Урфин вполне себе верил. Такие вот сафари стоили серьезных денег. Особенно для группы в пять человек. А вот это напрягало даже больше.

– Дети зачем?

Мадам аж захлопала своими рыже-бесцветными ресницами. Модная, стильная, сильная женщина. Настоящая феминистка. Никакой подводки, никакой туши. Принимайте меня какая есть. И как только тупо-крутой сталкер Урфин сразу не понял – почему дети. Ну?

– Мы все делаем вместе. Преодолеваем семьей все возможные трудности. Это закаляет и дает сильный командный дух. Главная команда – наша семья. Мы едины.

Ебиттер-биттер... Урфину захотелось открыть рот и откинуться на спинку, влюбленно поедая ее глазами. Это ж где тебя, мать, так натаскали, а? Команда, семья, единый дух... тьфу ты.

– Это, как его там... типа тимбилдинг.

– Точно.

Палец, не украшенный, само собой, лаком, так и ткнул в него. А большой, поднятый вверх, продемонстрировал – мадам оценила его интеллектуальный порыв. Твою ж за ногу, женщина, что у тебя в голове?

Интересно тебе? Ну-ну, интересно. Запах опасности волнует и заставляет дрожать, как лошадь перед скачкой? Экстремалы чертовы, чтоб вас.

Сталкерских династий Урфин не знал. И ляд с тем, что Зоне ЭсПэБэ всего ничего по годам. Не в том же дело.

Сколько живет сталкер? Здесь, само собой, а не на покое, потягивая коктейль из стакана с зонтиком и еще какой-нибудь красивой фигней? Пять лет? А то. Семь? Конечно. Рыси скоро светило пересечет рубеж шести. Так то Рысь. Про Лорда давно ничего не слышно, а так он тоже ветеран. Шмайссер сгинул, как булбучка, пошедшая на дно. Урфин сам-то, елы-палы, почти четыре года оттопал за Периметр. И надеялся на «еще немного, и рвать когти». Потому как иначе кабзда, и накрылось все медным тазом. Потому как ты все равно «зевнешь». И тут Зона «зевнет» тебя, как убирают с доски незаметную пешку. Да-да.

Урфин любил Зону. И ненавидел ее не менее сильно. Было за что. И за кого – тоже было. Старался понимать. Так же, как не так давно старался понять и... А, какая разница кого. Пытался, и баста. Зона порой отвечала ему взаимностью. Точь-в-точь как любая женщина. И так же, как любая мадам, Зона могла в мгновение ока стать совершенно другой. Ничего не слышащей, яростной, опасной и безумной в своей дикой злобе. И без разницы, какова причина. У кого-то не те цветы на Международный женский, а у кого уконтрапуленный бродягой любимый ручной мутант.

Водить туристов и участвовать проводником в сафари Урфину доводилось. Но такие темы он старался трогать как можно реже. После последнего... зарекся. Навсегда. И сейчас, глядя на довольно улыбающихся детей этой тупой рыжей сволочи, думал, как ей донести правду? Зачем? Да хотя бы ради вон того, младшего, улыбающегося натянутой улыбкой и так и зыркающего по сторонам напуганными глазами. Правильно, пацан, смотри, слушай, запомни. Твои странноватые родаки все равно потащат тебя за Периметр. И в лучшем случае рядом будут злые дядьки Шеф и Бульба. А если нет...

* * *

...Шорох травы. Шорох гравия. Шорох разболтавшихся ремней. Шорох страшен. Шорох предает.

Урфин застыл, глядя направо. Под ногами, вроде бы твердо и не качаясь, кусок плиты. Когда-то здесь начали строить дешевый «спальник». Не достроили. Случился Прорыв, и вместо жильцов-людей появились другие. Или Другие, так правильнее. Других не хотелось окликать или здороваться. Привет Другим Урфин любил передавать с помощью калибра семь шестьдесят два. А желательно и в полноценные девять миллиметров. Так доходчивее.

Бибер, шедший первым номером, аккуратно прятался за остовом «Урала», вросшим по окнам в вязкую землю. Спустя несколько лет после Прорыва весь участок в добрый десяток гектаров стал болотом. Никто не удивлялся. Это же Питер, детка. Здесь вода повсюду.

Бибер прятался за остатками машины, высматривая что-то впереди. Урфин прикрывал группу посередке. Чума страховал арьергард. Хотя, конечно, он сам и был им. Так и шли от самого Периметра. Туристы между первым и вторым сталкерами, Урфин посередке и чуть сбоку. Пока шли без проблем и потерь. Но почему-то нервничалось. Зона явно сегодня не в духе. И в не особо трезвом рассудке.

Со стороны Залива, утянутая куда-то к Петергофу, ворча и ворочаясь огромными черными мускулами туч, прогрохотала крохотная Буря. Ее «крохотности» хватило на неожиданный привал, чтобы спрятаться. И тут два туриста резко обнаружили симптомы «медвежки». Зато уже не жаловались, что, дескать, нудный старый Урфин заставил тащить их по рулону дешевенькой серой туалетной. Надо думать, благодарны они ему так и не стали, но пользу поняли. Патроны патронами, а зад подтирать чем-то надо. Даже если ты так сильно косишь под крутого, аки вареные яйца, сталкера.

– Ненавижу... – Чума, хрипло и вязко погоняв носоглоткой, сплюнул.

– А? – Урфин не поворачивался.

– Этих.

Тыкать пальцем даже не обязательно. Все знали, как Чума ненавидел туристов. Почему, правда, не говорил. Ну, ненавидел, и ладно. Урфину как-то фиолетово на такие закидоны. Работу работает, следит, прикрывает, и хорошо. Сами туристы уже привыкли к ненависти. Чума сообщил про нее сразу же, при найме. Отговорить главного от желания послать Чуму к лешему вышло не просто. Но Урфин, когда хотел, вспоминал про зачатки дипломата, прятавшиеся под тремя слоями сурового сталкера. И в этот раз тоже помогло.

Главный, кстати, вместе со своим друго-замом, сейчас в аккурат страдал симптомом медвежьей болезни. Хорошо, остатков стен в округе хватало. Не приходилось караулить прямо рядом. Только осмотреть на предмет ловушек-аномалий и присутствия хитро спрятавшегося местного жителя, и все. Симптоматизируй – не хочу. Заодно и химзащита неплохая. Било по носу так, что хотелось надеть противогазную маску. И хотелось верить, что местные уроды тоже не в себе от такого.

– Ненавижу... – снова пробурчал Чума. Рыжий ирокез злобно грозил низкому серому киселю неба.

Двое оставшихся туристов вздохнули. Урфин не удивился.

Защитная экипировка у засранцев оказалась донельзя современной и клевой. Такой клевой, что пришлось запереть ее в цейхгаузе у Сдобного. Чтоб не сперли всякие ухари типа Дикого.

Оружие тоже не подкачало. Четверка лихих и неудержимо крутых перцев, решивших потоптать Зону, проклятую Господом Богом и людьми, подошли к этому вопросу творчески.

И финансово серьезно. АК-25М. АК, за ногу его, двадцать пять «эм», еще не появившиеся на вооружении «спецов» отдельного полицейского. Ну и прочего понемногу.

Чума, честно заплативший Греку за свой прокачанный «варяг» и модифицированный там же АК-12, искренне ненавидел офисную шушеру, тратившую такое бабло просто на «развлечься». И, само собой, этого тоже не скрывал. Самой хлюзде туристов, здоровенному и жуть как трусливому облому, откликавшемуся на Паишу, от этого плохо. Ибо Чума, ничтоже сумняшеся и прикинув на глазок размеры и прочие ТТХ Паиши, так и заявил:

– Помрешь – мое будет.

Как тут не хлюздеть, а? То-то, что никак. Вот Павел и хлюздел.

Урфин почесал щеку. Насколько смог достать через совсем уж нагло отросшую бороду. Эксперимент по ее отращиванию удался. Жесткий черный веник грозился перейти на грудь. Бродяги одобрительно кивали головами и не торопились повторять эксперимент, девчонки в «Солянке» вздыхали и старались обходить Урфина стороной. Единственной женичиной, радовавшейся бороде Урфина, стала Прилепо. Но Прилепо вообще радовалась усам, бородам, бакенбардам и даже подусникам. Потому как держала одну из трех местных цирюлен и зарабатывала именно на мужских дуростях с растительностью на голове и лице.

Зато борода не издавала шороха. Того самого.

– Эй, засранцы? – вежливо позвал Бибер. – Скоро отстреляетесь?

Урфин скрипнул зубами. Потому как никто не ответил. И еще почему-то он уже не видел макушки страхующего.

– На месте. – Он повернулся к оставшимся. – Чума, прикрывай.

– Это Бибера дело.

– Прикрывай, говорю.

Бибер, Бибер... Пацан он, этот Бибер. Черта лысого взял бы в хрено-сафари, если б подвернулся кто другой. Хотя кто? Хэт, что ли? Такая же зеленая сопля, выдержка в Зоне полгода, гонора и сомнения как у старика. Тьфу...

Шорох, шорох... Листья под ногами. Серо-желтые листья больных деревьев. Скрученных совершенно невообразимо. Потрескивающих, когда нет ветра, и неслышимых в вихрь. Серо-серебряных, смоляно-черных и изредка кирпично-красных. И сбрасывающих листву постоянно. Ведь осень в Зоне вечна.

Остатки кирпича, обглоданным огрызком торчавшие впереди, басовито гудели. Поднявшийся ветер сделал две вещи. Как водится, и хорошую, и плохую. Разогнал все мерзкое и поставил Урфина по ветру. Ничего не почувешь, как ни старайся. И вой еще этот через прорехи раскрошенных останков чьего-то бывшего дома.

Он не оглядывался. Знал, Чума работает как надо, прикроет и присмотрит за тройкой, включая крутого зеленого Бибера. А сам Урфин тряхнет стариной, глядишь, та не откажется. И проверит: а куда там подевались еще два покупателя услуг по доставке к месту сафари? Хотя что-то подсказывало всю бесполезность самой попытки. Наверное, полная уверенность в смерти неудачливых туристов. Да-да, именно так. Чертова уверенность холодила изнутри ледяными зубами дисковой пилы. Такая знакомая и всегда неизвестная. Верить себе ему даже не хотелось. Совершенно.

Урфин шел тихо, наплевав на собственные восемьдесят восемь полновесных кэгэ. Ну... ляд с ними, девяносто. Хорошему медведю вес не помеха, когда надо к малиннику подобраться. Почему к малиннику подбираться? Потому как там сторож, малинник-то колхозный.

Снова шорох, странный и незнакомый. Как так? А вот... Каждый шорох матери-кормилицы бродяги запоминают и узнают. Костоглот трется проволоочно-шерстяным боком, если нападет почесуха. Неопытный шурун, подбираясь, выдает шорохом только-только твердеющих чешуек. Красные, волоха разнокалиберные ноги, шуришат огромными раздувшимися

ступнями. И так далее. А здесь? А здесь шорох не похож ни на что другое. И это откровенно гадостно.

Урфин шел к стене как надо. В другую сторону. И плевать хотел на мысли, возникшие у двух оставшихся охотничков. Ну да, проводник идет не спасать их дружков. Смысл, коли те точно мертвы? Он просто пытается спасти и их самих, и своих некровных братьев, наткнувшихся на что-то непонятное. Ведь непонятное здесь гибельно и опасно.

Вот Урфин и закладывал петлю к соседнему кирпичному огрызку, думая забраться на него и глянуть, чего там да как. И другого способа пока не виделось. Повезет, так сможет оценить уровень опасности. Не повезет... дерьмо случается. Право на ошибку, одну, есть у сапера, электрика и сталкера. Только вот саперы потом летят, электрики, превращаясь в омлет, танцуют джигу, а сталкеры... а сталкеры помирают больно, мерзко и страшно. Так что свое этакое право Урфин использовать не торопился. Ну его к лешему, еще хочется многое сделать.

Шорох этот еще... Стоп! Урфин замер, не дойдя до необходимого кирпича шага три. Да он же знает такой странный звук. Только странный же именно здесь. Угу, да-да. А вот там, за Периметром, за сколько-то километров, совершенно нет. Пакеты. Обычные, мать их, полиэтиленовые пакеты из супермаркетов. Такие, ну, типа сине-желтых из «Ленты» или бело-красно-зеленых ашановских. Вот так же, зацепившись за острое и болтаясь на ветру, они и шуршат. Черт, да ну к...

Додумать мысль о собственной старости и «перебздел» не вышло. Кое-что все же заметил. На высушенной серой кляксе строительного раствора, навеки застывшего между рядами раскоканых кирпичиков, темнело бурое пятно. А прекративший адски выть ветер только добавил подсказку. Так, медью и чем-то сладко-соленым, могла пахнуть только кровь. Не ошибся, вперхлест твою в качель.

Урфин не делал никаких специальных жестов. Всем и так все ясно. Если старший группы напрягся и прижал приклад к плечу, то явно не для рисовки и красивого позирования. А для дела. Осталось взобраться на скалящуюся выщербинами мертвую стену и понять хотя бы что-то. Или увидеть и начать стрелять. Оставлять за спиной неясную опасность не глупо. Смертельно и никак иначе.

Как ни старайся, но, взбираясь по крошащимся старым стройматериалам, наишумишь. Хрустнешь сухим деревянным клином, стукнешь упавшим куском кирпича, зашумишь раствором, превратившимся в песок. Особенно когда поднимаешься только на мускулах и связках ног, не помогая руками. Как ни старайся, но выдашь себя. Выход один. Не замирать, ожидая реакции ждущего врага, а просто быстро двигаться дальше. Работать на опережение и ловить глазами любое мало-мальски уловимое движение. Только так. И баста, карапузики, тут вам не кино. Тут помирают.

Так... что здесь? Урфин, стараясь не сопеть, чуть наклонился вперед. Мышцы бедер и спины выли, протестуя единственным возможным способом. Ниче, потерпит, не впервой. Ну... Твою мать. Твою мать!!!

Урфин почти успел. Развернуться к оставленной группе. Понимая хитрость врага, осознав его умение ставить ловушки и, где-то в самом дальнем уголке сознания, успев испугаться. А больше никак. Увиденное сказало само за себя.

Все не случайно. Особенно в Зоне. Потому как она любит играть, а игры у нее частенько одинаково кровавы. Капканы на зайцев ставят там, где те петляют. И тут, посреди развалин, бродяги шастали постоянно. А охотник ждать умел.

Почему никто не обратил внимания на тот самый огромный рваный пакет, болтающийся за стеной? Неужели не понятно, что в Зоне им неоткуда взяться самим по себе? Она не живет нормальной жизнью очень давно. Шорох отвлек его, Урфина, ведущего группу. Заставил нервничать, обратил внимание не на нужное. Твою... дивизию!

С двумя туристами, зашедшими за стену, все ясно. «Разорви-горох», редкая и мерзостная аномальная дрянь. Пористый неровный шар, живущий в подвалах Третьего круга. И активировать его можно, только зная механизм. Урфин, например, механизма не знал. И Чума не знал. Было ли про него известно Рыси? Черт его знает, товарищ майор, это ж Рысь... Но, само собой, если два опытных бродяги не знали механизма активации и, даже зная, не подумали бы оставлять его здесь, то что?

Все верно. Охотник из Зоны. Только его рук-лап изделие могло бесшумно, почуяв людей, подняться в воздух, разорваться, засыпав двух бедолаг ливнем смертоубийственного гороха. Осколки шара, попадая внутрь, тут же убивали нервную систему. Никаких криков, никакой надежды. Вгрызались в тело, реактивно разрастаясь во все стороны и разрывая его. Бедняга, попавший под обстрел, корчился, кроша в труху зубы, сипел, но только и мог, что видеть фонтанчики крови, вылетающие из него.

Охотник из Зоны. Разумное существо. Кто?!

Лучше бы он не интересовался. И лучше бы он ошибся. Но не прокатило. И про засаду не ошибся. Твою ж за ногу...

Урфин слышал про тварь. Но не верил. Считал выдумкой, байкой, чем угодно. Хоть плодом белой горячки какого-то бродяги. А вот...

Кусок постройки за спиной Бибера разорвался, прямо как от попадания танкового снаряда. Только разорвался-то изнутри. Чуме прилетело в голову куском блока, и лишь ишем его и спас. Хотя толку от Чумы, брякнувшегося на задницу и выбросившего вверх ноги, не стало. Не говоря про туристов. А Бибера...

В воздухе свистнуло, отдавая легким металлическим шелестом. Как будто великан решил махнуть цепью к великаньему велосипеду. Ших-ших... Бибера кашлянул. Ужасно, хрипло, с глухим бульком в самом конце. С таким, когда на губах надувается красный и блестящий кровавый пузырь.

Хрустнуло где-то в его, Бибера, груди. Треснула ткань комбинезона, разрываясь и разлетаясь лохмотьями мяса и кровью. Урфин чуть не надавил на спуск. Не стал, замер, понимая, что все глупо и поздно.

Четырехгранный гарпун, торчащий из Бибера, остро блестел кромками с алыми и бурыми ниточками. Липкие паутинки венозной крови и поблескивающей слизи лопались на глазах. Металл, послушный хозяину, дернулся, рванулся обратно, снова хрустя, врезаясь в тело бедного молокососа. Бибера успел вскрикнуть, сдавленно и истошно, когда тугая цепь дернула его назад.

Он летел вечность. Длинную огромную вечность размером в две секунды. Летел, открыв рот, нелепо и страшно взмахнув руками. Летел и смотрел, смотрел!!! Прямо в глаза Урфина, так и не начавшего стрелять. Летел к огромной фигуре, видневшейся из обломков наполовину. К маске, к вытертой серой коже плаща, к серому грубому комбинезону и монтажному поясу с карманами, к вытянутой навстречу огромной руке с черными пластинами-стамесками ногтей. К легенде Зоны, к охотнику на людей, к единственному здоровяку с мозгами. К Крому.

Почему Урфин не стрелял? Он не сказал никому. Потому что выстрел был нужен один. В голову Бибера. Чтобы сразу и наверняка. Чтобы не мучился. И больше никак. Но... то самое «но».

У его ног лежал ошалевший от удара по башке Чума. Совершенно никакой Чума с глазами, плавающими в разные стороны, и с кровью, споро бегущей из носа. И два долбанных туриста, вконец испуганных и орущих от ужаса. Да, именно так.

Выстрел из милосердия навлек бы на них Крома. Крома, ставшего легендой за пару месяцев. Неубиваемого мутанта, охотящегося на бродяг и военных, на бандитов и туристов. И Урфин не знал простой вещи. Справится ли он с ним? Стало ли ему за прошедшие годы легче? Нет. Никогда. Несмотря на то что вернулись все оставшиеся в живых. И что?..

* * *

Мадам Энн смотрела на него, застывшего и смотрящего сквозь нее. На стол встали три стопаря с настойкой. Жесточайшей, в пятьдесят-шестьдесят градусов, на травах, выстоянной и выгнанной здесь же. Сдобновкой. Урфин махнул ее не глядя и не закусывая. Раскурил потухшую сигару. Вернулся назад, глядя в глаза этой тупой овцы, решившей рискнуть всеми своими родными. Дура. Конченная дура.

– Дикой...

– Да?

– Хотя толку от тебя... Чума?

Чума хрустнул стулом, разворачиваясь. Угрюмо зыркнул на вырез мадам и весь обратился в слух.

– Помоги, будь добр. Отойди к этой трехнутой на всю голову семейке туристов и расскажи им. Знаешь, что рассказать. С меня причитается.

Рыжий ирокез согласно качнулся. Чума ртутью вскочил на ноги, совершенно интеллигентно предложив руку даме. Та лишь обдала его презрением и ароматом дорогого парфюма, двинулась к своим. Весь ее гордо-напряженный вид сулил Дикому отсутствие прибыли. И наплевать. Грех на душу Урфин брать не хотел. А вести детей в Зону есть истинный грех.

Дикой надумал что-то там вякнуть. Урфин показал кулак. Околосталкер встал и прошествовал. В сторону семейки гребаных, чтоб им дома сиделось, Узли. Тимбилдинг по-семейному. Что за жизнь пошла, а?

Сбоку скрипнуло. На освободившийся стул кто-то приземлился. Шатать твою трубу, прямо приемный день. Хотя, возможно, это оказалось что-то светлое и приятное. Урфин покопился и вздохнул. Вместо светло-приятного, теплого, мягкого и красивого на стул угнезвился чему-то довольно скалящийся Баркас. И что, спрашивается, заставило его блестеть зубами эдак гнусно и одновременно радостно? Уж точно не желание прорекламировать единственную во всей округе стоматологию Зазы Цицишвили. Хотя именно оттуда родом его моляры, премоляры и клыки. Два месяца назад, столкнувшись в отсутствие Урфина и Хэта с костоглодом, Баркас решил укротить чудище с помощью оставшихся зарядов АПС. Не вышло. Спасли бедолагу Бульба и Шеф, решивший заглянуть на дикий рев с рыком у пятачка за Московской Рогаткой. Но зубы делать пришлось конкретно.

– Чему улыбаемся? – поинтересовался Урфин.

– Мы ни хрена не в настроении?

Урфин не ответил, мусоля кончик сигары.

– Да и фенхель с тобой. Это...

– Какой, к чертовой матери, фенхель?

Баркас хмыкнул.

– Вон видишь банку с портретами дохлых американских президентов?

Урфин покосился на стеклянную емкость, наполовину засыпанную всегда конвертируемой валютой. Хотя в ней явно попадались и золотые червонцы, становящиеся все востребованнее. Почему до сих пор никто не стырил банку со стойки? Потому что Сдобный. И Барин, обычно сидящий рядом. Сейчас его не было. И никого из ветеранов Сдобного тоже. Странно.

– И что?

– По пьянке, неделю назад, все уговорились не материться. Мол, не по-мужски. Ругнулся матом, так плати штраф. Пять долларов.

– Офигеть. Я тоже уговорился? Не помню такого. Так фенхель при чем?

Баркас почесал начавшую обрастать белым пушком голову.

– Ну... не знаю, чем хрен заменить. Фенхель вроде тоже растение. И звучит смешно. Не?

Урфин цыкнул. И не ответил.

– Ладно. Чего лыбишься?

– Это, братишка, дело есть...

– ...сварился, будем есть?

Баркас вздохнул. Животрепещуще так, с натугой, явно показывающей всю глубину его заботы о странной депрессии боевого товарища.

– Совсем скучно?

Урфин снова не ответил. Попыттел томно дымящей «кубинкой» и посмотрел на семейку Уизли. Ну да, все как полагается. Дикой таки окучивал Шефа и Бульбу.

– Это кто? Туристы? Дети?

Баркас пнул его под столом. Прямо в голень, болюче и обидно. В другое время Урфин с удовольствием начистил бы ему довольную рожу. Но сегодня даже не тянуло.

– Да ладно, фигли из-за них переживать? – Баркас пожал плечами. – Личное дело каждого.

– Как умирать?

– Как сходить с ума. Хочется им туда – пусть идут. Дело, братишка.

– Ну?

Баркас оглянулся и наклонился ближе.

– Сдобный продает «Солянку».

Урфин захватил зубами отросший ус и пожевал. Мир явно катился куда-то под обочину и менялся слишком стремительно. Так, что не догонишь. С чего вдруг продавать?

Да-да, с чего? Урфин не обманывал сам себя. И Сдобный тоже никогда в таком замечен не был. Они все здесь вовсе не из-за больших денег. Каждый из постоянно околачивающихся вокруг «Солянки» так-то маньяк. Упоротый, больной на всю голову маньяк. Совершенно не умеющий жить вне скольких-то там десятков, если не доброй сотни, квадратных километров, называющихся Зоной.

И вся «служба спасения» от Сдобного и К^о выстроена только на возможности отправиться за Периметр. Ну, это же честная точка зрения. Не надо врать себе. И Сдобный все продает. Раз продает, то уезжает. Раз уезжает, то точно не на острова Фиджи или к морю Лаптевых, коротать там век, посвистывая песенки и наслаждаясь экологически чистым самогоном из морошки. Ну или в случае с Фиджи – из манго. Или чего там в основном растет, из чего можно нагнать тяжело-спиртового.

Если уж совсем честно, то порой Урфин сильно переживал за судьбу одного пари и за немалую сумму денег. Потому как на возвращение Хэта он отвел шесть месяцев. И забился на две тысячи полновесных целковых как раз вот с этим самым радостно улыбающимся Баркасом. Учитывая все растущие и растущие курсы червонца, как встарь, обеспеченного не только золотым запасом, но и всеми танками страны, сумма явно серьезная.

Почему же ветеран Сдобный может захотеть сняться? И не снялись ли уже ребята из его группы? То-то в последнее время видно только Пикассо и Скопу, а остальных и след простыл. Хм...

– Ты бы все-таки изредка включал визор у себя в каморке. Ну или здесь бы смотрел, а не запрещал гонять по нему что-то, кроме теток с клевыми сиськами... – Баркас усмехнулся. – Глядишь, логика выстраивалась бы быстрее.

Урфин приподнял бровь. Но аккуратно. Баркас, после выясненных отношений, ему уж точно не противник или злостный конкурент. После выяснения, чего уж, обоим пришлось отлеживаться. Помнится, неугомонный Хэт все навещал и притаскивал с собой кофе. Тот самый термоядерный, по собственному рецепту, что пить можно, только наполовину разбавив молоком. Учитывая непереносимость организмом Урфина всего молочного и плохо работающей канализации, на третий раз пришлось грубо и ультимативно попросить захватить пива. Пока

отбитый ливер не позволит самому спускаться вниз. Жили-то они как раз на втором этаже здесь же.

Так что бровь Урфин поднял как можно более дипломатично. Ничем не напоминая сабельный изгиб в сторону Дикого.

– Новая дырка с аномалиями. Огромный такой кусок, хотя, конечно, с нашим не сравнить. И называют Районом. – Баркас пригубил пенного, захваченного с бара. Еще один бзик в их когда-то тройке. То яйца в Зону таскать для омлета, то если пенного глотнуть, то только квас. А квас Сдобный ставил сам и круглогодично.

– Вот оно чего... – Урфин кхекнул. – И?..

– Ну... в общем, братишка, они оттуда. Только место то раньше секретили. Ну, насколько-то. Слухи были, помню, когда срочку служил, не более.

– Поволжье?

– Ага.

Урфин кивнул. Ну, вот картинка и сложилась. Все ясно с ветеранами, жившими здесь последние сколько-то там лет. Как Зону ни назови, а все едино у нее. И нутро такое же, и люди. Никогда и ни за что не отпустит.

– Сколько денег хочет?

Стоило сомневаться в правильности решения Баркаса? Да ни капли. Все он решил верно, высчитал, прикинул, оценил. Плюс в покупке «Солянки» много. И дополнительный заработок, и база, и торговцы сами пойдут. А Зона? Никуда она от них не денется. От Урфина уж точно.

Баркас покрутил головой, нагнулся к самому уху Урфина и назвал цифру. Ну... стоило ожидать.

– Две ходки, если не тратить заначек.

Баркас ухмыльнулся.

– Одна, братишка. Ровно одна.

Так... Все становилось более понятным. Этот лысеющий блондин явно просчитал всю цепочку и подсуетился насчет подзаработать, пока Урфин отлеживался после крайних прогулок. Старееет, не иначе. Это Урфин подумал про самого себя. Не про ушлого же Баркаса так думать, верно?

– Что и где?

Приятно общаться с профессионалом, ничего не скажешь. Ничего лишнего, все понятно сразу. А вот чего Баркас так весело блеснит глазами-то снова?

– Ты снова бес-траву покуривать начал?

Улыбка пропала. Ай-ай, ну не заводись, дружище. Урфин поднял обе ладони, мол, виноват-виноват. Имевшуюся пагубную привычку Баркас смог изжить. Напрочь.

– В общем, братишка, про где... не здесь. Либерея.

Урфин затянулся дымом. Наплевав на его густоту и совершенно забыв о том, что курит сигару. Внимательно глянул на Баркаса, явно подозревая того в розыгрыше. Подозревать Баркаса в знании самого определения «Либерея» ему как-то не хотелось. Не, Баркас умница и молодец. Сталкеру по-другому никак. Хорошему сталкеру надо уметь не только разбираться в Зоне, оружии и умении им пользоваться. Хороший сталкер должен уметь думать. А здесь, в Зоне Эс, еще и разбираться в искусстве как минимум. Но Либерея?!

– Еще раз, друг. – Урфин наклонился к Баркасу. – Повтори. Медленно, чтобы я расслышал.

Ох, беда. Именно то самое понятие Барк и повторил. Урфин вытер внезапно вспотевшие ладони о брюки. О как! И зачем он так любил историю, зачем помнил кучу всего ненужного в современной жизни. А?

Урфин сглотнул. Понятно, саму Либерею не в Зоне искать. Неоткуда ей здесь взяться вроде как. А раз так, то зачем надо куда-то топать? Правильно... За чем-то, что прольет свет на судьбу легенды. Настоящей, мать ее, легенды с многовековой историей. Да с таким кушем, если что, можно не одну «Солянку» приобрести. Ага. Почему? Вовсе не из-за того, что гладиолус.

Потому что библиотека Ивана Грозного. Она же Либерея. Коллекция книг византийских императоров Палеологов. Сокровище, пропавшее в Смутное время. Бесценное собрание древнейших книг, стоящее как пара-тройка настоящих «клондайков», набитых под завязку артефактами. И где-то здесь, если верить словам компаньона, есть какая-то фиговина, способная пролить свет на ее судьбу. Да возможно ли такое?

Оказалось, возможно.

Из бара пришлось уйти. Такие дела обсуждаются без лишних ушей. Вот Урфин и решил убрать их самым мирным способом. Знают двое – знает свинья, говаривал «папаша», он же группенфюрер СС Мюллер. Ни себя, ни Барка считать за свиней не приходилось, само собой. А вот кто-то четвертый, ведь третьим явно был «наводчик», мог стать той самой хрюшкой. А хрюшек, как известно, колют и опаливают перед разделкой. И таких дел Урфин тоже не жаловал. В смысле, подчищать «хвосты». А если приходилось... Этот вопрос он оставлял на потом. Между собой и Господом Богом. Ответ придется держать. Впрочем, как везде и всегда за все сделанное.

Выход пришлось отложить на послезавтра. По-другому никак. Переть в центр, к Первому кругу, тут с бухты-барахты не решишься. Или решишься, но тогда ты идиот. Причем идиот клинический. Но собираться Урфин решил завтра. На свежую голову. А сейчас, еще часа три, у него отдохновение и релакс. Несмотря на нудный дождь за окном, ставший совсем уж непотребно нудным. Хотелось чего-то доброго и хорошего.

– Привет, красавчик... – Урфин повернул голос на бархатное мяуканье. Порой же везет. И не как утопленнику.

Глава третья

Не верь привычкам

Не доверяйте своим привычкам. Или регулярно проводите им проверку на вшивость. Иначе сами не заметите, как они обведут вас вокруг пальца и надуют в самый ненужный момент.

Урфин смотрел на носки своих любимых ботинок и огорчился. Потому как с боков и с пятки он рассмотрел каждый еще раньше. Его любимые, разношенные под его личный градус косолапости, удобные, мягкие, родные и безумно прекрасные боты померли. Однозначнее однозначного. И что, так-то, здесь плохого? Да все. Включая срыв ходки.

Сколько раз Урфин думал правильно насчет барахла и шмоток, а? До черта лысого раз. Нашел хорошую вещь – купи две. Или три. Или закажи. Потом, как срок ей выйдет, жалеть станешь. Вот и жалелось теперь с сильным оттенком... презрения к самому себе. Ну, как идти за Периметр без привычной обуви? Осторожно, как еще.

Ему очень нравилось наблюдать за зелеными сталкерятами. Сталкерами называть таких язык не поворачивался. Именно за сталкерятами. Неопытные сталкеры не веселили. С ними сразу все становилось ясно и понятно. Служба, выживальщики, страйкеры или все вместе по типу сборной солянки. Повеселиться там не находилось от слова «совсем». А вот сталкерята...

Или даже сталкерки.

Эта отдельная часть персонажей предзона всегда давала шанс скотски поглумиться и поржать. С удивительной периодичностью, надо заметить. И хотя поводы всегда оказывались совершенно одинаковыми, смеяться не надоедало.

Что надо подбирать из амуниции в первую очередь? Обувь, ясен перец. И только потом начинать рассматривать все прочее. Почему? На такой вопрос Урфинова бровь выгибалась особенно иронично и отчасти насмешливо. Действительно, почему? Ведь куда важнее защитный комбез, качественный камуфляж, четкая разгрузка или навороченный шлем. Ну да. И не ОЗК с противогазом, а непременно костюм ученых, усиленный, с элементами «экзы» и для работы черт пойми где. Ага. Вот прямо так. Хотя за стволы сталкерки хватались куда раньше, чего уж.

Дайте вон тот... не-не, вон тот. Чтоб с обвесом, со штурмовой, с коллиматором и... сколько? СКОЛЬКО?!! На этом месте Урфин хмыкал, если находился рядом. Докупал патриков или, мало ли, баллоны с дыхательной смесью к закрытому циклу. Половина сталкерят один черт брала выбранную игрушку, стараясь выводить не особо дрожащую подпись на долговой расписке. М-да...

А потом? Ух... просто.

Далеко зайдут совсем-совсем новички? Сами? Дай-то Бог, если из Первого кольца вернутся целыми и с прибытком. Откуда он там? Вот то-то, что неоткуда. И?... Правильно. К концу первого месяца долги начинают давить похуже Красных, когда те толпой насаждают. Когда жив был Папа Карло, державший втихаря половину местных лавок, дела у таких неудачников шли по одной и той же колее. Должен, нечем отдать? Идешь с опытными бродягами, отработываешь золотишко, рискуя и разведывая все опасности. Что там, за «бенгалками», виднеется дивной расцветки шар? М-м, ну-ка, сопля, пше-о-ол туда. Быстро!

Тьфу ты, чего это за фиговина? Да это ж кусок аэростата, что запускали военные неделю назад. А? Ногу подпалило? И че? Терпи, сявка, сталкером станешь. Вон за «микроволновкой» красная хрень. Это «рога», иди за ними. Не пойдешь, говоришь... А если так? Больно? Ствол на землю! Бегом туда!

Да и ляд с ними. Сколько их приходило, сколько ушло и сколько осталось, одна Зона ведает. Тем более в основном оставались даже не прикопанными. Лежали, гнили, вялились ветром и редкой сушью. Их белеющие костяки с черепами разбросаны по покрывалу суровой сталкерской Госпожи вдоль и поперек. И наступать на них, если вдруг чего, надо в надежной обуви. Вот ее-то стоит найти быстро. Мало того, надо продумать простой вопрос: как не сбить ноги в кровь?

Урфин плюнул на выстроенные загодя планы и отправился к Греку. У Ника Грека есть все. Как в самой Греции. Почему Ник? Потому что Коля. Почему Грек? Потому что Ник. Многие не понимали. Сволочной мажор Хэт, рубивший фишку во всяких снобских штуках навроде фильмов еще прошлого века, ржал, когда услышал такое объяснение. И чего-то там вякал про карты, деньги и чертовы два ствола. Но посмотреть самому Урфину как-то не довелось.

– Ба, кто это у нас? – Дарт хитро подмигнул. – За чем к нам пожаловал милейший мсье Угфин?

Ударение, как всегда, на последний слог. И грассируем, мсье Дарт, грассируем. «Угф́ин», ага.

– Ботинки мне нужны.

Дарт изобразил всем своим подвижным лицом крайнюю степень удивления. Ох уж эти французы... Да, Дарт-то самый настоящий, из города Руан. Чего он тут забыл? То же, что и остальные. Себя. Дарт... Жан он по своему французскому паспорту. Только Жан как-то неинтересно звучит. Раз француз, то д'Артаньян, как еще-то? Или Дарт Аньян. Ну или совсем даже Дарт. А что думает он сам по такому поводу – никого не интересовало.

– Пойдите, пожалуйста.

Куда пройти? Внутрь, конечно. Как-то раз Урфин наблюдал лицо очередного туриста. Такого, не особо денежного, иначе приехал бы со своим. Он-то, наивный, полагал другое. В том смысле, что, зайдя в лавку Папы, надеялся увидеть развешанное оружие и экипировку. Ох, люди-люди... Как такое думать-то можно?

Периметр – вот он. Особое подразделение полиции Периметра – повсюду. Как и камеры, прослушка, стукачи, патрули и прочее. Деньги решают все? Решают. Но не для всех. И кто же в этих правилах сложной игры в самый настоящий похер станет играть в открытую? Как говаривал Хэт: не смешите мой пупок, дамы и господа. Никто не станет открывать лавку, набитую образцами Калашникова, Герсталя, Смита и Вессона или Кольта. Только дурак так поступит. Раз так, то не стоит удивляться любви местного народа к хозяйственным, одежным и прочим магазинам. А уж что лично вы сможете купить в магазине «Охота и рыбалка» – зависит только от вас. Урфин вот намеревался купить ботинки. Правда, в закрытом помещении, а не в верхнем.

Сюрприз ждал именно там. Сразу после лесенки, прячущейся за фальшстеной подсобки и второй дверью, открываемой только изнутри. Вернее, откатываемой с помощью мускулов Боя. Сам Бой, пахнув на Урфина запахом колы, пота и оружейной смазки с высоты двухметрового роста, тут же задвинул ее назад. Пришлось навалиться даже такому здоровенному облому. Плита, закрывающая святая святых Грека, рассчитывалась на противостояние с полицейской взрывчаткой. Грек не любил надеяться на продажных силовиков, осознанно полагая, что все же напорется на честных. Или более дорогих, чем старые, тут как посмотреть.

– Здорово, Урфин. – Ник Грек, как всегда довольный и как всегда с бутылкой крафтового, сидел за стойкой. – Давно не виделись.

– И слава богу, – буркнул Урфин. – А эти с кем?

Сюрприз имел пять голов густо-рыжего цвета и неумное стремление к командному духу. Сторонники семейных походов в филиал Преисподней, открытый на территории конкретного федерального округа, вдумчиво и богато экипировались. Дикого заметно не было. Хотя, если судить по знакомому букету, состоящему из коньяка лет так десяти, хорошо прожаренного

мяса, каких-то очень приторных мужских духов и виргинского табака, Дикой прятался в подсобке. Не иначе как успел заприметить Урфина.

Мадам мама Энн Урфину даже не кивнула. Только младший, парнишка лет четырнадцати, застыл, глядя на хмурого, бородатого и чуть сутулящегося сталкера. Играть в гляделки не хотелось, да и статус не позволял. Урфин отвернулся к Греку, скупно бросив:

– Кто ведет?

Грек, отхлебнув из кружки, кивнул в дальний угол:

– Сноу.

Урфин вздохнул. Шеф с Бульбой отказались, м-да. А Сноу? Все понимали – что знает Сноу. Захотелось отговорить чертовых Уизли.

– Не надо, братишка... – Грек открыл портсигар и подвинул по стойке. – Армянские, угощайся.

– Не... – Урфин почесал зарастающую шею. – Пытаюсь бросить.

– О как, – понимающе кивнул торговец, – хорошо. Пусть себе идут люди. Зона решит, так выйдут живыми. Не переживай, оно тебе не надо.

– Думаешь?

– Конечно. Ничего не происходит просто так. Раз они здесь, все вместе, карты так легли. Вот и все. Не вмешивайся.

Урфин постучал пальцами по стойке. Грек вздохнул и пожал плечами. Мол, мое дело предупредить.

– А ты чего вообще пришел?

– Ботинки нужны.

Грек кивнул, повернулся к молчаливому Гоше, стоявшему у входа на склад. А Урфин решил вмешаться. И ни при чем здесь младший Уизли. Совершенно.

Мадам мама Энн развернулась к нему с грацией и мощью «Арматы» второго поколения. Пусть та и до сих пор в разработке, но как-то так Урфин себе это и представлял. Остальная семейка повернулась тоже. И Урфин вмешался. Как смог.

* * *

...Бугимен сверкнул янтарем глаз и пропал. Утек в кромеиную тьму, спрятался, как за час до случившегося. Растворился в липкой черноте огромного склада, заваленного вдоль стен грязью, рухнувшими деревьями, остатками соседних коробок из металла. Этот строили в старом добром СССР. Из кирпича, за просто так не сразу разломаешь и зарядами из противотанковых. Ну, как? Разломаешь, конечно. Но тут надо либо много ВВ, то есть взрывчатого вещества, либо талант, помноженный на тонкий расчет и знание физики.

В темени, живущей здесь последние сколько-то лет, буги и растворился. Шепнул безумной скороговоркой что-то и пропал. Урфин, ударив по фонарю, выругался. Твою... сволочь!

На кой ляд он здесь? На кой, на кой... Бродяги своих не бросают. А маячок «аларма», красным диодом оравший «напомощьнапомощь», светился именно отсюда. На этот жест доброй воли Зона пошла явно из хорошего настроения. Потом оно закончилось. Сразу и полностью.

Аккумуляторы сели. Кроме фонаря. Сейчас и он подсдох. Это Зона, детка. Не рассчитывай на хорошее, думай о плохом и радуйся крохе позитива. Если тот есть. Урфин злился. А как еще? Пацан этот тоже... как его? Ветер, о, точно! Буря, шквал или тайфун не подошли. Решил стать Ветром. Или фамилия Ветров, кто знает? Какая, к долбаным феем, разница?!

Чего пацан полез сюда? Чего он, Урфин, поняв, с кем имеет дело, не свалил? Потому что тела не видел. А «аларм» все краснел. Значит, надо идти. Ему, Урфину, точно. Как там другой поступил бы... вот-вот, что какая разница. Выбор его. И только лично его.

Итак, ситуация лажовая. Совсем. Имеется: склад, темнота, отсутствие освещения, теснота и буги. Хитрый и опытный. Показался он не зря. Буги охотится. Буги кайфует. А, да. Опционально имеется живой хотя бы наполовину пацан с позывным Ветер. Вывод? Урфин, слушая чернильную пустоту вокруг, усмехнулся. Вывод прост. Он, Урфин, славно-глупый доблестно-шизанутый рыцарь Айвенго, всегда идущий на выручку слабым. Или еще какой паладин Света и Добра. Но у него есть пара тузов в рукаве.

А как еще-то? Это Зона, детка. И в ней играть стоит по-взрослому. Да-да, милый бугимен, это ты детка. А вовсе не Урфин.

Раз-два-три-четыре-пять, злой Урфин идет искать.

Иногда мужики, ребята и даже пацанва дивились обвесу Урфина. Мол, куда столько? Куда надо и сколько надо. Это дело хозяйское. Идешь до границы Первого круга, планируешь вернуться на следующий день – бери экстремалки на три как минимум. Думаешь пострелять Красных? Возьми бронебойные, авось здоровяка встретишь. Так же и со всем остальным.

Задача на логику: Урфин находится на двухэтажном старом складе и ни черта лысого не видит. Сколько и каких ништяков необходимо для выживания и победы Урфина?

Ответ: ровно два ништяка и одна армейская поговорка. ПНВ, дробовик с картечью и не бздеть. Даже если не в танке, все равно не бздеть. А думать логично и ровно. И отцепить к долбаным феем маску-респиратор и поднять забрало, один... один фиг ничего не работает.

ПНВ ждал своего часа в подсумке. Вместо аккумуляторов злой и умный Урфин использовал единственный подходящий для этого дела арт. Найденный и полностью заряженный «светляк». Оставалось надеяться на заряд где-то в час длиной. Через час, будь Урфин живой и не встретит буги, придется сигать в любой доступный проем. И плевать на режим тишины. Потому как пацан Ветер через час точно помрет.

Картечь? Есть картечь. Ровно восемь патронов в бандольере вместо ВОГов. А вот нормального дробовика с собой не случилось. В отличие от обрезанной вертикалки, закрепленной в чехле сзади. Так что, анчутка желтоглазая, сейчас будет танец. Прямо аргентинское танго. Жгучее, сложное и, в идеале, смертельно опасное. В общем, красиво.

Урфин перевесил АК на грудь. Благо соблазнился трехточечным тактическим. Ниче так, удобно. Хотя ему, закоренелому ретрограду, все равно все время что-то не нравится.

Шлем снять и убрать. Сейчас от него большие вреда. Мембраны-наушники только заглушат все, не помогут. Маску и забрало, аккуратно вернув на место, чуть вдавить внутрь. Ага, вот так. Чехол затянуть, закрепить... пойдет. «Сову» на голову, зафиксировать ремнями на затылке, по бокам, опустить рабочую часть и врубить, щелкнув переключателем. Вж-ж-ж...

И мир неожиданно зеленеет. Переливается всеми оттенками, красивыми и глубокими. «Сова» хорошая, Грек плохого не посоветует. Ха, Урфин оскалился. Он теперь как в Изумрудном городе, точно. Идет спасать гребаную Элли от совершенно свихнувшегося Страшила, не иначе. Все зеленое, и гляди теперь в оба.

Склад вокруг жил странной собственной жизнью. Той, что появляется в любом брошенном человеком помещении сама по себе. И очень быстро. Этот шум, как бы он сам ни хотел спрятаться, узнаешь сразу. Услышал один раз и запомнишь навсегда.

Мириады крошечных жучиных лапок с панцирями потрескивают и шелестят за отваливающейся штукатуркой. С нескольких сторон, разбиваясь о бетон пола, доносится звук капель. Она же, проникающая повсюду, бежит ручейком где-то впереди, еле слышимая. Хорошо, стоять не надо, а наоборот. Такой вот постоянный легкий плеск убаюкивает.

Тонкие попискивания – откуда-то снизу, сбоку, сверху... Отовсюду. Грызуны любят, когда люди их не ищут и не убивают. И не любят, когда людей нет. Приходится искать еду, людей грабить проще. Хотя сейчас грызуны точно перешли на мясную диету, харча все помер-

шее. А порой и еще живое. Крысюки в Зоне вымахивали о-го-го, ногой с размаху не всю пере-ломаешь.

Ветер свистел в решето дыр, испестривших стены и кровлю, выл-подвывал, чертовой флейтой действуя на нервы. Ничего, это нормально. И не такое случалось. Хотя, конечно, как раз такого-то не случалось. Чертов ветер. И хренов Ветер. Стукнуло пацану лезть сюда, а? Урфин глотнул воды. Стараясь не шуметь, убрал флягу. Так... где у нас запасной жгут? Вот он. На фига? Ну а как, если не хочешь упустить обрез-то, м?.. Правильно, потому жгут и нужен. Хотелось верить, что основной ему тоже не пригодится.

И... правильно, затянуть вокруг остатка лоска, прямо за тяжелым шаром, приделанным к обрезу недавно. Прямо не обрез, а пиратский пистоль. Зато и по тычке можно дать, если что. Оставшуюся часть жгута мотаем на правое запястье. Но не затягивать, так, чтобы не вылетело. Нормально. Два патрона в левый кулак, еще два можно бы и в зубы... но ну его к чертовой матери. И пошли, с Божьей помощью и все такое. Кому нужны наглые, жадные грешники, шатающиеся взад-вперед по проклятой земле? То-то, что только им самим. Но верить в чью-то помощь хотелось.

Урфин скользнул вперед, стараясь держаться левой стороны вплоть до проема, оставшегося от двери. Шаг, второй, тихо-тихо, не шуметь. С пятки на носок, перекатываемся, перекатываемся... замереть, вслушаться. Кап-кап-кап... это вода. Вон там, в углу, и еле слышно – дзззишнь... обо что-то металлическое. Стоять! Слушать!

Ветер выл сильнее, разбивался на несколько голосов, вторил флейте адовыми волюнками, тонким визгом дисковой пилы пробирал по хребту, ввинчиваясь в дупло раскрошившегося зуба. Урфин скрипнул целыми и не особо, улавливая какую-то неверную и нехорошую вещь. Чертов буги всегда не прост. А этот, сволочь, придумал что-то еще. Не может ветер вызывать такую дрожь, не может заставлять замирать на месте и бояться. Бояться до жутки, до желания накласть в штаны, до того самого хренова момента, когда развернешься и побежишь отсюда... Не может!

Зелень становилась все глубже, окрашиваясь темными оттенками. Ну да, чем глубже заходишь, тем света меньше. Совсем тот не пропадет, дырок же уйма, даже кровля в паре мест пробита. Но вот Буря, краем зацепившая этот участок, темноты нагнала довольно.

Урфин добрался до проема, отступив вправо и выглядывая внутрь. Вот, ну что такое, а?!

Прямо или вверх? Налево – лестница, старая, с массивными блоками ступеней, закрепленными между сваренными уголками и балками. Прямо проем, уходящий на первый этаж склада. Черный провал наполовину перегораживал завал из рухнувшего перекрытия.

Выглянуть наверх не получалось. Урфин опасался чего-то тяжелого, сброшенного на него хитрецом буги. С того станется взять и шваркнуть чем-то, что не убьет, зато покалечит. Так игра-то интереснее, когда дичь прижмешь как следует. Ну-ну, мерзость желтоглазая, ищи тебе с маслом.

Так... патроны в карман. ГТ в левую руку. Прикрывать обе стороны. Твою ж за ногу!

Ветер взвыл, рванувшись из проема на первом этаже. Урфин усмехнулся. Бывает польза от всего. Если бросишь курить, так тем более. Да даже если попытаешься. Чем несло со стороны огромного и не пустующего помещения прямо перед ним? Сухостью, чем-то резким и кислым... и все. Никакого запаха от останков, что всегда есть в берлогах буги. Никакого запаха свежей крови, что наверняка есть на сталкере Ветре. А кислое? А это «чертов кисель». И близко, воняет он всего метра за три. Почти столько до самой двери. И раз так... Урфин не стал проверять, лишь нагнулся и присмотрелся к темноте, видневшейся из-за упавшей балки.

Ну, точно, вот оно. Свечение, еле заметное, все такое в тон и чуть светлее основной зелени. То самое, порожденное липким сатанинским желе «киселя», вылезшего наружу прямо у входа в нижний этаж склада. А буги-то не сильно умен, угу. Будь умнее, постоянно держал

бы наготове хотя бы куски пленки, чтобы накидать сверху на едва заметно светящееся аномальное варево, растворяющее органику только в путь. Урфин мог бы... ну, задержаться как минимум. Босиком пойти дальше, если вообще – пойти. Без ноги особо не попрыгаешь.

К проему, выскочив из коридорчика одним длинным прыжком, Урфин старательно не подходил. Водил обрезом, направленным вверх, ждал пакости. Но пока не дождался. Зато услышал, что хотел. Ветер пока оставался жив. Орал он будь здоров. И явно не от удовольствия. Представлять, что с ним делал буги, не хотелось. Явно не бабушкиными пирожками кормил.

Ага...

Буги рассмеялся. Перекатился тихий едкий смешок, звучащий сверху. Перекатился, зарокотав и переходя в дикий захлебывающийся смех. Чертов сумасшедший псих. Чертов сумасшедший псих с измененным генокодом и трансформировавшимся телом. Смейся вот так кто угодно там, на Большой земле, наплевать. Мало ли, вдруг фильмов ужасов пересмотрел, сбрендил. Пулю в голову – и вся недолга. А здесь... здесь все хуже.

Лестница под ногами хрустела. Сотнями тысяч разом умерших тараканов. Огромное кладбище померших тараканов. Больших, жирных, блестящих тараканов, разлетающихся под ногами чавкающими соплями. Чмак – лопнул таракан, чмак – лопнул десяток тараканов. Хочешь не хочешь, а себя выдашь сразу. Чего теперь таиться-то?

В чуть посветлевшей зелени мелькнуло что-то растянутое и очень немаленькое. Тук-тук, сказала сердце. И ускорилось. Вместе со временем.

Через ступеньки вверх, вверх. Ха, присесть, пропустить над головой тяжело просеивающую на тросах двутавровую балку. Чмак... локтем в очередной могильник тараканов, до боли через щиток, до белой вспышки в глазах. Да-дах, балка хрустит за спиной, врезаясь в стену и пробивая ее насквозь. Трещит, валясь вниз, огромный кусок бетона со ржавыми пиками арматуры. Шелестит, осыпаясь снегопадом, штукатурка и пыль с просеившей части кровельных листов.

Движение впереди, неуловимое, быстрое, смазанное. Зелень растягивается прозрачно-прозрачной лентой, «сова» натужно пытается уловить нечеловеческий организм с невероятными возможностями. Рука вскидывается, ведет стволами следом за буги, мелькнувшим огоньками глаз, палец ложится на спуск, и... Картечь не разносит плоть. Драный пацан-заложник... вот он, в длинных ручищах мутанта, прикрывающегося им.

Свет, прорываясь через пролом, мешает. Сбивает ровную зелень «совы», гонит вперед, в темноту второго складского этажа. Как чертова киношного упыря. Скачками... Нет, не дождешься. Идем осторожно, плотно, к стеночке, к стеночке.

Темнота. Серо-зеленая и еле просматриваемая. Изредка прореженная светлыми полосками-копьями там, где крыша совсем дырявая. Густо-изумрудная пыль сверкает и переливается. Черные прямоугольники стеллажей теряются в глубине. Чернейшая полоса по полу... понятно. Это специально. Ведет в глубину, манит, показывая – сюда, сюда, человек здесь!

Фига!

Шорох сбоку. Развернуться, вскинуть ствол! ТТ дергано ходит по дуге, ловит черным жутким провалом перед собой. Изумрудные тени ПНВ перекачиваются, не торопятся обрезать плоть, волнуются, заставляя кровь бежать быстрее.

Шорох! Он успел. Выстрел грохнул в тишине склада оглушающе, танковым разрывом, сорванной миной, лавиной в горах.

Буги, хрипло кашлянув, тоже успел. Приложил прямо в голову чем-то тяжелым, бросившим Урфина об стену. Изумрудные полосы слились в зеленую круговерть. Он успел что-то услышать, выстрелил на звук, откатываясь в сторону. Картечь взвыла бешеными жуками-мясоедами, звучно чавкнуло и заорало в ответ. А, не нравится?!

Зелень перестала кружиться и метаться из стороны в сторону. Своя жизнь дорожке: Урфин наудачу выпустил веером половину обоймы ТТ. Вжался в угол, стараясь что-то разобрать. По лицу, неприятно холодя, стекало. Но не до того. Где ж ты, мой хороший, а?

Хорошее Урфин увидел. Ну, во всяком случае, хотя бы что-то. Если точнее, то кисть, левую. Оторванную его случайным первым выстрелом. Тогда понятно, что стекает с головы и почему голова целая. Культей насмерть тяжело зашибить. Даже если ты мутант. Повезло, как еще тут скажешь? Запросто так буги клеишню отстрелить... Такого еще не встречалось. А вот чего дальше?

Дальше... Да все просто. Времени выдумывать чего-то сложного нет. Буги раненый и злой. Пацан, возможно, еще живой и беззащитный. Встать, перезарядить. Помотать головой, проверяя «сову». И вперед.

В темноту и изумрудные всплески. В шорохи и запах прели пополам с тленом. В самые любимые места бродяг. Туда, где старуха с косой радостно гостит у Госпожи Зоны.

* * *

– Я его не спас. – Урфин смотрел на рыжую семейку, вроде бы остыв. – Понимаете?

Уизли молчали. Мамаша Энн явно злилась, двойняшки скучали, папе снова было все равно, младший смотрел куда-то в угол. Грек за спиной вздохнул. Дикой так и не появился. В отличие от Сноу, выползшего из дальней комнатенки, недовольно фыркая и поматывая своими смоляными кудрями.

– Урфин, здорово.

Урфин хотел сплюнуть. Но Грека и его ребят уважал. Не надо им его харкотину с пола вытирать.

Палец со шрамом оказался у носа Сноу быстрее, чем тот смог продолжить.

– Ты же ни черта не знаешь, Сноу... А еще собрался идти с ними. Не жалко?

Сноу выбрал правильное решение. Драться у себя Грек не позволял. А лицо стоило сохранить. Вот только угадать, чего он наплетет, можно было сразу.

– Да, Сноу. Сразу после возвращения из ходки. Весь к твоим услугам. А сейчас извините, милое семейство. Мне пора.

Пока он торчал внутри, почем зря тратя время, снаружи испортилось все. Включая погоду в первую очередь. Или ему так казалось, что все. А вот погода испоганилась полностью. Накатили свинцово-непроглядные тучи. Дождь моросил так мерзко, как только мог. Нормальная, чего уж, питерская погода. Косой дождь и секущий ветер. Просто прекрасные условия, чтобы прогуляться.

Жаловаться не приходилось, привык. Знай себе месил грязь новыми ботами, думая только о возможных мозолях, не больше. Черт с ним со всем. И всеми. Благородные паладины никому не нужны. Хватит думать о чужих жизнях. Пора думать только о своей.

Задержаться выпало неподалеку от «Солянки». Впереди застрял грузовик, перегорев проход по грязи, недавно бывшей землей. Асфальт им тут никто класть не собирался. Вот еще, с чего бы маргиналам, отрицающим свое отношение к незаконной деятельности, ходить по сухому? По жиже перетопчутся.

Урфин отошел, чтобы не заляпало липкими фонтанами, так и вылетающими из-под колес. И повернулся туда, где все важное для Большой земли превращалось в ничто. К Зоне. К окраине, откуда чертова старушка вырастала перед глазами сразу. Его, мать ее, главная любовь всей жизни.

Серая и местами золотая, опаленная кое-где охряным, мерцавшая сталью жесть-травы, переливающаяся на самом крае окоема голубоватыми разрывами «бенгалок». Мерцающая

прозрачным и иногда кажущимся чересчур чистым воздухом, постоянно напоенным сыростью и ожиданием Бурь.

Черные клубы виднелись вдалеке, набухая густыми чернилами внутренностей, порой сверкающих сеткой алых росчерков разрядов-вспышек и серебром паутины ломаных молний. Можно было бы услышать даже еле уловимый рокот, наливающийся чудовищной мощью внутри аномального отродья Зоны и ее вечной осени.

Серая полоса КАДа, естественной границы, породившей Периметр, проглядывала через локальный тягучий дождь, лениво поливающий и ее, и пару видимых блокпостов. Сырость пропитывала все, до чего могла дотянуться. Та самая питерская сырость, родившаяся куда раньше самого города и пережившая его. А вот город святого Петра, лежащий под низким небом, почти не виднелся.

Урфин стоял, смотрел, вспоминал. Чертова семейка Уизли что-то толкнула внутри, заставила слегка выглянуть через прочный выросший панцирь. Что, казалось бы, ему этот город? Источник дохода и нравящегося, как ни отрицай, дела. Что?

Урфин бывал здесь до Прорыва. Совсем молодым и добрым. Ждущим от города чего-то загадочного, таинственного, прекрасного, захватывающего... одним словом – Питера.

Дождь начался, едва Урин вышел с Московского вокзала и оказался на Невском. Пришлось спускаться в метро и ехать к друзьям. Вместо вечерней прогулки по улицам, наполненным музыкантами, кафе и красивыми интеллектуально развитыми романтическими девами.

Сидеть у окна, хлебая чай без сахара, ведь питерские студенты единственные настоящие в стране, и смотреть на улицу. Самую обычную улицу «спальника», выстроенного еще в Союзе. Любоваться заплывом одинокого самосвала «МАЗ», рассекающего чуть ли не бампером серо-блестящий поток, гордо бурлящий вместо асфальта. Чудесный город, ничего не скажешь.

Правда, после водки, само собой, водившейся у единственно правильных студентов страны, Питер воспринимался куда ярче и веселее. А перекур на балконе принес новые открытия. Оказывается, здесь все же есть солнце. И желание пошляться никуда не пропало.

Ливануло точно после выхода из метро. Ехать с Черной речки в центр ради дождя даже не показалось глупым занятием. Водка творит чудеса, особенно когда тебе двадцать и ты все еще веришь во что-то чудесное.

Случились и беседы во хмелю о философии Канта, прерываемые предложениями отправиться сигать на спор в Фонтанку, и совершенно дикое поджигание абсента в граненом стакане, и высокоинтеллектуальные девы, разбирающиеся одновременно в настоящем, то есть питерском, роке, работах Шагала и особенностях личной жизни.

Урфин не помнил, как звали ту, у которой проснулся утром. Но почему-то, глядя на пелену, накрывающую город, очень хотел верить в то, что она выжила.

Баркас ждал его в своей комнате. Суровый и собирающийся в ходку Баркас.

– Нашел?

Еще бы не найти, хотелось хмыкнуть Урфину, но было откровенно лень. Баркас явно находился не в духе, и мог возникнуть спор. Смысла спорить из-за ботинок не виделось.

– Я тебе стволы успел проверить и смазать.

– Спасибо.

Урфин лег на койку напарника, зевнув. Баркас заметно занервничал.

– И какого лешего?

– Барк?

– Чего?

– Ты никогда не думал о чем-то другом?

Баркас достал сигарету, прикурил и покосился на Урфина.

– На Зону ходил паяться?

– Угу.

– Ну и дурак... Тебе ж не рекомендуется. У тебя психика слабая.
Психика... Да не психика ни фига. Урфин засопел.

Да, когда ему вступало перед походом Туда идти и смотреть на Периметр с окрестностями, настроение падало ниже плинтуса. И хрена его оттуда достанешь. Как-то раз вставило, вот и отправился к психиатру, работавшему в госпитале Особого подразделения Периметра.

Тот жутко любил поквасить с периодичностью раз в три недели с собеседниками из контингента сталкеров. К слову, врач никогда не сдавал их оперотделу. За это, то есть за компанию и умные беседы, психиатра бродяги уважали и старались навещать к нему в промежутках между запоями. Отвести душу. Хотя, как было известно многим, лучше бы они этого не делали.

Эскулап-мозгоправ обладал странным свойством – умел выпотрошить темную сталкерскую душу полностью и без остатка. Суровые бродяги, выходящие с черного хода госпиталя, сурово молчали и не менее сурово стискивали зубы на вопросительные взгляды встреченных коллег. Эдакая исповедальня для грешников, где вместо отпущения есть только его видимость. Но им хватало и этого.

Урфин, как-то раз и на свою беду, решил забрести на огонек в одиноком оконце второго этажа. Момент выпал удачный, врач и пациент одинаково страстно заливали душевные боли тяжело-спиртовым. Покосившись на скрипнувшую дверь, эскулап понимающе кивнул и достал из-под стола нужное.

Придя в себя утром, Урфин уяснил две вещи: нельзя пить с врачами и нельзя изливать им душу. Если бы кто другой заявил, что, дескать, Урфин боится Зоны и, рассматривая ее, только усугубляет страх... тому пришлось бы идти вправлять нос. Или вставлять зубы. А тут прям по полочкам разложил эскулап всю его сталкерскую душу. Выдрал изнутри и показал Урфину все ее закоулки. И так, сволочь, убедительно затирал, что не открутишься.

Боялся Урфин Зону? А как ее не бояться-то? Но и любил. Не отнять. Но советом, запомнившимся перед накотившим беспамятством, старался пользоваться. Не ходил смотреть на госпожу и хозяйку перед рейдами. Ну ее, шутить с такими вещами.

А Баркасу-то рассказал... на свою голову. Вот как сейчас, например.

– Зря... – Напарник затушил сигарету. – Ну, ты мальчик взрослый, сам все понимаешь.

– Это ты верно заметил. – Урфин похрустел пальцами по неподбртой шее. – Чего за сигареты? Запах незнакомый.

– Это... импортные. Контрабанда, во как. Мейд ин Юэсей. «Красное яблоко», что ли.

– Угу.

Разговор не клеился. Да и с чего? Баркас-то прав в своих недовольствах. Готовиться к выходу – дело привычное, но хлопотное. А ему, Урфину, вздумалось уйти за ботинками и застрять. А выходить, опять же из-за ботинок, завтра. Могли бы уже отмахать ко Второму кругу и зацепиться там. Тем более путь уже рассчитали, места более-менее знакомые. А тут, мать их, ботинки.

Урфин тихо вздохнул. Было с чего.

Ботинки хороши. Не особо высокие, чуть выше щиколотки, но делу не помеха. Нogu спасут, широкая верхняя часть с ремнем, помогающим шнуровке. Шнурки, кстати, синтетика, но смазанная чем-то типа канифоли. Не скользят, не распускаются, держат берц как надо, защищают связки. Это же просто беда, если в ходке подвернешь стопу, угодишь в ямку или зацепишься и упадешь. В смысле, беда, если ботинки хреновые. Идешь-идешь, потом раз – вспышка огнем, потом боль становится чуть глуше. Но на каждом шаге цепляется зубами-крючками, рвет, да сильно. А можно в Зоне тащиться прихрамывая? Нет, совершенно нельзя.

Подошва... подошва штука не менее важная. Подошва может скользить, слишком резко тормозить, скрипеть по гладкому, быть слишком твердой или, наоборот, оказаться не из мягкого пластика или резины, а вовсе даже из почти пластмассы. Много в таких находишь? Не очень. А кожаная подметка для Зоны не годится. Не то место.

Материал верха? Материал низа? Все имеет значение и цену. Все это правильно, и нужно разбираться в таких тонкостях. Никак не меньше, чем в калибрах, полиамиде и составе порохов патронов. Именно так и считал Урфин. Потому как уткнувшийся АК плохо. Но у хорошего бродяги всегда найдется еще парочка козырей. А вот стертая пятка, мать ее, сама по себе не заживет. Почему стертая? Потому как ботинки только куплены.

Урфин смотрел в потолок и злился. Не самое лучшее занятие перед выходом в Зону-матушку, а что делать? Спать пока не хотелось. Дать поспать Баркасу – тоже. Чисто из вредности.

– У тебя подсоединение барахлит на конце шланга, – Баркас хмурился, крутя в руках сам шланг, – слышь, дурило бородатое?

– Слышу.

– И че?

– Ты ж уже сделал.

Баркас нахмурился сильнее.

– Рукожоп небритый.

Урфин покосился на него. Подумал, ответил:

– Лапиндос ты ушастый.

– Чучело еб... мяучело.

– Это, братишка, оно... – Урфин вернулся к потолку.

– Чего оно?

– Любовь, епта.

Снимай про них двоих кто-то репортаж, так дальше можно было бы вставить «вырезано цензурой».

Выходить решили затемно и пересидеть рассвет уже за Периметром.

Отступление первое. Немного ранее и намного дальше

Не очень высокая. Обманчиво тонкая. Прямые волосы до плеч. Тонкий острый нос. Темные глаза. Все по фигурке и, чаще всего, черное. В цвет волос. И плевать, что это даже вызывающе. Это ее личное дело.

Никаких позывных не осталось. Никаких прозвищ за спиной. А единственный ник, применяемый для ее поиска, большинство принимали за название оружия. Крис. Индонезийский «пламенеющий» кинжал. Большинство не верили в самый легкий вариант. В сокращение от ее имени.

Никто из прохожих, неторопливо гуляющих по воскресному Кельну, не подумал бы про нее плохого. Нет, если в плане женщины, легко и просто уведящей мужчину от любой другой, это запросто. Но могли ли чинные немцы видеть в ней мастера убирать ненужных людей? Вряд ли.

Стереотипы владеют миром. Стереотипный профессиональный киллер – мужчина. А если женщина, то прямо только с октагона ММА или армии Израиля. С накачанными боевыми мускулами и хмуро смотрящая вокруг глазами-прицелами неулыбчивая валькирия с короткой стрижкой или хвостом на затылке. Уж точно не прошедшая мимо холодная черноволосая и невысокая худышка. Такой, если уж искать в ней насилие, только пороть клиентов в борделях на окраине. И не больше. Могла ли такая убить?

Убить? Убить можно чем угодно. Не обязательно иметь под рукой заряженный «Пернач», «Сармат» с полной коробкой или легендарный «Ферберн-Сайкс». Хоть карандашом, хоть канцелярским ножом, хоть алюминиевой вилкой. Несомненно, кинжалом SAS это делать удобнее. И Крис предпочитала не импровизировать. Но порой случалось.

Что нужно для удачной стрельбы? Хороший ствол, конечно. Но не только. Стальные нервы, дыхательный аппарат и глазомер. Несомненно, штурмовой вариант АС, «Ново-Судаева», нужно еще и удержать. Но его же можно и положить на что-то. Важнее другое. Не сбить дыхание, не выбрать спуск раньше времени, не взять прицел чуть в сторону. Все просто. Ребенка научить можно. Было бы желание.

Что необходимо для ножевого боя? Понятно, кроме самого ножа? Нервы, знание анатомии и физическая подготовка. Ножевой бой – как покер. Не прошел блеф? Жизнь осталась твоей. Вышел финт? Лежи и умирай, следя за красной лужей, становящейся серой от грязи и земли, впитывающих твою кровь. Удар пошел в так аккуратно подставленное предплечье, где клинок уперся в кость и скользнул? На, твоя бедренная артерия вскрыта, а жалящий выпад лишь добавит скорости, продырявив печень. Что за скорость? С какой умрешь. Как сделать удар ножом сильнее? Отжимайся на кулаках.

Крис любила работать ножом. Любила безумную пляску ног, короткий обмен выпадами, матовое покрытие своих клинков. И тихую, почти бесшумную поначалу смерть от рассекающего удара. Это было красиво. Очень красиво. Пальба или взрывчатка? Совершенно не чета скромным, опасным и древним ножевым клинкам.

Но стрелять и работать взрывчаткой она умела. Как и любой уважающий себя профессионал. Убийства – ее работа. И работа хорошая. Хотя и опасная. Как сейчас вот, например.

Европейский Исламский Союз пока не воевал с Христианским. Вернее, с Германией. Скоро вся немусульманская Европа станет Германией. Или ляжет под потомков берберов, саудитов и остальных, загнавших белых в резервации. Если те не говорили «Аллах велик».

Всякие там дипломатические представительства и религиозные общины обретались на территории нового Четвертого Рейха пока еще спокойно. Пока еще их не громили, не линчевали живших и работавших там людей. Пока. Предсказывать Крис не стала бы. Всею свое

время, а раскатать людей в нужную сторону... Умели всегда и как необходимо на текущий момент.

Криминал арабских общин уходить не желал вовсе. Порядочные аккуратисты-немцы давно растеряли хватку в темных делах. Турков арабы выжали с рынка наркоты, проституции, оружия и контрабанды так же, как выбили из бывших государств Полумесяца. И полицейские операции не помогали. Либо арабы очень хорошо платили. Вот и все.

Но Крис сама по себе никогда и нигде не работала. Она уважала законы рынка и оказывала профессиональные услуги только по контракту. И задаваться вопросом, кому перебежали дорогу суровые бородатые дядьки, не собиралась. Место, время и фотографии объектов получила несколько дней назад. Вместе с авансом. Так что следовало отрабатывать дукаты, упавшие на счет.

Тук-тук-тук, черные шпильки выбивали четкий ритм. Ее провожали глазами. Вернее, ее задницу, не обращая внимания на лицо, прикрытое большими очками. Стоило бы надеть светлый парик, но не хотелось. Адреналин частенько становится наркотиком. И ей нравилось играть в догонялки с полицией, если вдруг находились свидетели.

Да, она на самом деле любила все это. Поняла немного позже, чем хотелось, но поняла. И иногда даже жалела, что уехала из страны. Хотя и возвращалась туда частенько. В места, захватившие ее суть начисто. Туда, где жизнь еле касалась тебя на острой кромке клинка Смерти. Где Крис была Чернобуркой. Но сейчас ей куда больше нравилось возвращаться туда на гастроли. Просто тратить себя на поиски чего-то нужного другим не хотелось. Совершенно.

Шпильки простучали ритм и привели хозяйку к сегодняшней отправной точке. В длинный многоквартирный дом, окнами выходивший на старенькую кирху. Почему именно так? Причин не много, но каждая важна.

Квартирка на первом этаже снята специально для ее работы.

В задней комнате в полу есть люк, ведущий вниз, в коммуникации и старый ход к кирхе. Прихваченные по случаю арты из Зоны Че и интересный полимер от «Биофарма» творили чудеса с бетоном фундамента и сводом хода.

В самой кирхе, закрытой как бы для реставрации, ждут бородатые клиенты.

Хотя Крис готова ставить сколько угодно, что они ее не ждали. И вряд ли обрадуются, увидев. Почему увидев? Потому что ей так хочется. Ну или по ситуации.

Что можно спрятать в небольшой женской сумке, под курткой в облипочку и такими же брюками? Не проводящий тепло диверсионный костюм, облежавший как вторая кожа. Такими пользуются серьезные ребята, надевая поверх необходимый для условий работы камуфляж. Но ее вполне устроит только имеющееся. Особенно если добавить балаклаву из такой же ткани и неопреновые боты для аквалангистов. В женской сумке таким вещам места хватит.

Она никогда не брала оружие у заказчика. Все что угодно, но не оружие. И старый стандартный ПСС с четырьмя магазинами достала после того, как переделалась. Одежду полила реагентом из флакона с раствором для линз. Капнула катализатор, закатанный в одноразовую емкость, сожгла ее, залив бензином зажигалки и спустив оставшиеся черные зернышки в унитаз. Одежда разлагалась на глазах, возвращаясь в исходное состояние любого нефтепродукта. В гниль. Пора действовать дальше.

Пояс для инструментов прятался под курткой. С крохотными «кошачьими» очками ночного видения и с одной-единственной жидкостью в баллоне-аэрозоле. Где проходила и стояла – Крис помнила полностью и именно на эти места распылила легчайшую взвесь особенно сильно. Не стоит оставлять любые зацепки в такое продвинутое время. Уходила быстро, понимая, что скоро станет жарко.

На реакцию аэрозоля с воздухом уходило десять минут. Пламя, возникающее без причины, пожирало все. Такие вот дела, если знать, с кем дружить. Плюс отвлекающий маневр.

Даже оплатив услуги магистрата города и комиссара полицаев, бородатые рецидивисты занервничают, разглядев несколько патрульных экипажей и пожарных прямо у входа.

Размышлять о продажности человечества, даже в его лучшей части, представленной фрицами, Крис не стала. Кто-то в ратуше получил много марок за закрытые глаза. Кто-то из комиссариата полиции купил маленький коттедж за городом. Ей-то все равно. Тем более правильно выполненная работа лишит коррупционеров этого источника дохода. Значит, ее деяние можно оценить как общественно полезное. А пожар? Потушат.

Объекты ее немного разочаровали. Перегородить решетками вход в подземелье кирхи арабы не смогли. Но часовые ждали проникновения. Только у них если и был комплекс раннего обнаружения, основанный на технологиях Зон, то они им не пользовались. А Крис себе в таком удовольствии не отказала.

Немецкое качество чувствовалось даже под землей. Камни, обрамляющие ход, подогнаны один к одному, в зазоры если только кончик ножа поместится. Крепь через одинаковые промежутки, балки-близнецы. Ровный пол из плит, выглаженных до зеркальной гладки. Скользить по ним в темноте оказалось приятно, если не сказать больше... Ее заводило. Не на шутку, крепко, до динамо-машинки в животе, спускавшей ниже приятные клубки электричества. Крис старалась дышать тише, понимая, что хочется не скрываться.

Работать с негодьями, имея постоянных заказчиков, полезно. Прибор, дарящий возможность идти не отступаясь и видя все необходимое, стоил очень дорого. Конструкция, материалы, источник энергии. Все не серийное, создаваемое в лабораториях, не фигурирующих не просто ни в одном научном справочнике. Нет-нет, даже не так, слишком просто. Цеха, оборудованные всем самым-самым, находились в глубине районов, где даже подготовленные спецы-силовики чувствовали себя неуютно.

Прорехи мироздания, обзываемые Прорывами, дарили теневым хозяевам мира возможности, сравнимые только с космическими. И неизвестно, что обойдется дороже: лаборатория на частной космостанции или такая же в одной из Зон. Только в Зонах нужные материалы встречаются все же чаще, чем за пределами атмосферы. Такие, к примеру, как крохотный «светлячок», питающий «кошачьи» очки.

Крис легко скользила по плиткам, мягко наступая на полированные холодные плиты. Ноги не мерзли, современные технологии защищают волокном толщиной в микрон. И не выдают даже шорохом. Невидимая, легкая, опасная и неудержимая Крис, черная кошка в черном коридоре, была смертью. И эмоции, будоражившие из-за собственной власти над жизнями других людей, не хотела бы менять ни на что другое.

Разряды, полыхающие в самом низу живота, порой заставляли крепко сжимать зубы. Адреналин и возбуждение создавали огонь, пылающий внутри. Обостряли чувства, лишь чуть уступавшие прибору, превратившемуся из обычного коммуникатора в комплекс невидимой разведки. Закрепленный широким эластичным ремнем на предплечье, он вел ее к двум первым жертвам.

Добравшись до опускавшегося потолка, ныряющего в совсем старый коридор, помогавший последователям Лютера спастись от инквизиторов, Крис замерла. Урки всегда останутся урками. Даже если бандито-арабы. Переговариваться на посту запрещает любой Устав или Положение, аксиома, известная любому салаге любой армии мира. Эти трепались, гортанно обсуждая на искореженном хох-дойче достоинства местных проституток и их доступность.

Мужики всегда мужики и думают... не головой. Эту истину Крис уяснила давно и никогда больше не планировала связываться с любым членомосцем. Хватит с нее. Только как инструмент, поддерживающий правильное функционирование организма и морально-психологические потребности. Для здоровья. И все.

Так даже удобнее для дела. Человек легко превращается в подобие свинки. Хотя эти двое куда больше напоминали двух здоровенных, отяжелевших и поросших жесткой щетиной

хряков. Самое оно для клинков, спящих в ножнах на бедрах. Но нельзя, подойти на короткую дистанцию может не получиться. Остается стрелять. Для того ПСС и взят.

Короткий, пузатый, со специальными дозвуковыми боеприпасами калибра семь и шестьдесят два миллиметра. Гениальное изобретение для боя с расстояния в полсотни метров. Хотя тут и того меньше.

СП-4 хлопает. Негромким звуком скромных аплодисментов. Посылает почти десять граммов стали точно в цель. С пятнадцати метров, имевшихся у Крис, так точнее некуда.

Бородатые сыны Аравийского полуострова упали тихо. Момент выбрала удачный, один не просто тряндел, нет. Он ел. Ел на посту, прислонив обязательный АК к стене. Второй ушел назад, упершись в падении о баррикаду из мешков с песком. Молодцы, свинки, все сделали для успеха злой тети Крис.

Найти распределительный щиток, вырубив электричество. Это следующий шаг. План кирпичи, купленный за пару сотен марок, она помнила, заучив назубок. Программист городского архива, сливший ей необходимое, неожиданно крепко выпил и утонул в соседском бассейне. Многие дома пригорода оборудуются бассейнами. Почему же ими не пользоваться, пряча следы? Конец в воду, и все. Одним хреновым шовинистом, так и облизывающимся на ее задницу, меньше.

Крис не опустила очки, поднятые на лоб при самом приближении к часовым. Рано. Стоит проверить наличие объектов и потом уже действовать. А полной темноты здесь нет. Зло творится под покровом тьмы. Доходы от зла подсчитываются при лампах дневного света. Чтобы не ошибиться.

Один, второй... третий и четвертый. Всего на свете не купишь, арабы сжимали бизнес. На шухере, у дверей кирпичи, два человека. Наверху... Она высунулась из-за аккуратной горки нераспакованной – ремонт же – паркетной доски. Кирха не храм, нормальных и высоких звонниц тут нет. И проглядывается насквозь. Пусто. Как и следовало ожидать. Кто ж посадит боевика со стволом на всеобщее обозрение? Тут никакие взятки не спасут. Немцы стучат на соседей, если те мусор поутру не выбрасывают, а тут бородатая херня с автоматом. Ну или с гранатометом. У любителей ишаков фантазии хватит дать часовому РПГ.

Так... диспозиция ясна. Пора начинать спектакль. В темноте все кошки серые. А уж черные так вообще невидимы. Сами виноваты, заставив стрельчатые высоченные окна строительными лесами и завесив измаранным брезентом. Спасибо, мальчики. С любовью, ваша Крис.

Распределительный щиток оказался где должен согласно плану. Торчал вверх металлический х... рубильник, так ей необходимый. Только зачем же давать ребятам-муслимам какой-либо шанс? Да и рукояти ее друзей изолированы, заточены они на славу, а кабель подведен прямо не немецкий. Тощий такой кабелек в обычной прорезиненной оплетке, маникюрные ножницы спрячятся.

Изящная Крис вовсе не была слабой. Как кавказская шашка-гурда: тонкая, гибкая, не сломаешь. А ударь умеючи... пополам разрубишь. От шеи и до пояса, развалив человека на две несимметричные половинки. И ей оказалось достаточно лишь надавить клинком, проведя его чуть на себя. Темнота соткалась так, как и должна опускаться смертельная мгла. Сразу, пугая до усрачки и превращая уверенного в себе крутого мужика в обосравшуюся от страха обезьяну. Прямо как доктор прописал.

Хирург тел и душ по имени и прозвищу Крис достала второй, матово-черный и бритвенно-острый, скальпель двадцати сантиметров длиной. И почти пошла удалять гангренозные участки с тела прочей здоровой германской жизни и экономики. Но вовремя остановилась.

Кипящее в крови возбуждение вредно. Лишает логики в поступках, заставляя работать на эмоциях. При ее профессии это не вредно. Это просто смертельно. А арабы, и особенно часовой, вооружены. Стрельба ей ни к чему. Если только она не бесшумная.

Магазин ПСС она сменила еще в коридоре. Сейчас он пригодился. Стрелять придется на бегу, отложив удовольствие от работы сталью. Но так надежнее.

Неопрен не скрипел, не шуршал и не шелестел. Крис двигалась в чуть рваном ритме, подходя на расстояние стрельбы. Клиенты уже изрядно пришли в себя, гортанно окликая друг друга и шаря в темноте жадными глазами стволов. Хрена ли они так любят АК?

Зеленые тени ругались и пытались светить фонариками коммуникаторов. Испуг и неожиданность, помноженные на самоуверенность и наглость, подарили десяток секунд, пока кто-то не додумается содрать брезент с ближайшего окна. Пора использовать фору.

Человек всегда чувствует свою смерть. Именно холодные пальцы ее тени возвращают в людей животных и инстинкты. Самое важное в ее работе даже не точно стрелять. А опередить смерть. Пока та не решила посмеяться и не помочь цели.

Хлоп! Охранник ударился о стену. Черная в очках кровь плеснула на дверь за спиной.

Хлоп! Отлетел первый, получив в грудь, зацепил второго.

Хлоп! Третий заработал свое в голову, выронив смотрящий на нее АК.

Хлоп! Поднимающийся второй заработал между глаз, замер.

Хлоп! Прострелить руку с автоматом четвертого, бросившегося к окну.

Хлоп! Пробегая мимо, добить первого, все же встающего и шарящего вокруг.

Шесть патронов магазина кончились. Затвор лязгнул, замирая. ПСС, крутанувшись, ударил араба в голову, заставив отшатнуться от лежащего под ногами автомата. Хр-р-р, треснул разорванный все же брезент, наполовину освободив проем. Падая, отпихнуть АК и содрать очки, успев зажмуриться. Откатиться в сторону, тут же вскакивая и вытаскивая клинок.

– Сука! – Крис даже улыбнулась. А араб-то вовсе даже русский.

– Уж точно не кобель.

– Сука-а-а... – Он смотрел на нее потрясенно. – Тварь!

– Кто спорит. Все мы двуличны. Ты вот вроде араб, а так русский.

– Сука!

– Повторяешься. – Крис замерла, оценивая сложение, движение и остальное. – На, потанцуем.

Не противник. Если, конечно, не просто хитрец. Боец поймал бы нож и левой рукой, наплевав на раненую. Но ничего. На безрыбье и такого выпотрошить одно удовольствие. Крис дала ему время затянуть выше дырки галстук. Да, хороший галстук, даже жаль. Бородатый руссоараб в пошитом хорошем портным костюме, мотающий галстук поверх огнестрельного ранения и достающий из кармана нож, убранный на время. И все посреди лютеранской кирхи. Сюрреализм с привкусом венозной крови. Психо-оргазм для ее тонкой души. Точно, так и есть. Но ее полностью устраивало. Только музыки не хватало для пущей красоты действа.

– Иди сюда, обрезанный... – Крис усмехнулась глазами в прорези маски. – Я тебя еще и евнухом сделаю.

О да! Мужики точно думают не головой. Стоило услышать про любимую кроху-кочерыжку, и скакнул к ней. Рассек воздух клинком, подаренным ею от души и для собственного удовольствия. Не повезло... Ей не повезло. Противник оказался аховый. Совсем. Совершенно никакой.

Удар. Легкий и едва ощутимый. Уходя в сторону и за коленом, чуть выше сустава. А, не почувствовал сразу. Сейчас ощутишь. Сейчас тебе разом станет горячо. Ты ослабеешь так скоро, что впору завывать от страха. Алая медно-сладкая струя, именно струя, шарахнет наружу. Сразу промочит всю штанину, побежит вниз. Непрерывно и ритмично. Но это сперва. Ровно так, чтобы ты уже все понял, запрыгал на целой ноге, косясь то на разрез, льющий и брызгающий твоей жизнью, то на херов галстук, то на суку, убившую тебя. Смотри, смотри, милый, сейчас ты увидишь женщину в последний раз. Артериальное ранение не проходит даром. Да-да... это не просто дикий стук сердца в ушах. Это к тебе стучится ожидание смерти.

Крис стащила балаклаву, прикусила нижнюю губу и, расцепив зубы, провела языком по верхней. Окунулась в ужас, плещущийся в его глазах, вздрогнула, когда живот полыхнул молнией. И, торопясь, не желая упустить самый главный момент, скользнула чуть в сторону от бородатого не-араба, уже тяжело стоящего на коленях и смотрящего вверх. Прямо на картину с Сыном Божиим, коего он когда-то предал ради спасения себя самого. И вот сейчас, купив эту церковку, выпало умереть именно под наполненными страданиями глаза сына плотника. Но Крис сделала его смерть еще хуже. Тот лишь успел ощутить движение и сталь, мягко коснувшуюся горла. И сдавленный стон из-за спины, смешавшийся с хрипом воздуха, убегающего из замирающих легких.

Она отпустила его волосы, позволив упасть в алую лужу, текущую по плиткам к алтарю. Снова вздрогнула, дожидая крохи электрических разрядов, еще прячущихся в пальцах ног. И облизала свой «Сайкс», последнего из двух мужчин, принятых ею в свою жизнь.

Глава четвертая

Кто же не любит запах напалма поутру?

Еще недавно Зона Эс, как и ее сестры, успешно боролась с контролем за собой. Да и сейчас справлялась с этим лихо и с огоньком. Но кое-что все же поменялось. И порой Урфин не знал, горевать ли по такому поводу или радоваться. Или, как порой казалось куда удачнее, тупо забить.

Ничто не стоит на месте. Особенно военные институты, и исследовательские в первую очередь. Особенно в России. Частные военные компании процветают и делают свое дело на всех континентах, пользуясь последними достижениями науки с техникой? Да и шиш с ними. Русь-матушка на буржуев не оглядывается, как испокон века было. Все передовое и лучшее куда? Правильно, силовикам.

Особое подразделение по охране Периметра снабжалось не просто лучшим и новым. Новейшим и совершеннейшим, так куда вернее. Только вот ведь какие дела...

Можно навешать по Периметру кучу датчиков и прочей электронной тряхомудии. Можно послать в патрули дорогушие «Барсы», усаженные такой же начинкой. Можно, не рискуя госбюджетом, пустить по кругу автоматические дроны, рассматривающие границу с воздуха. Можно... Много чего можно. НО!

Лучшее средство всегда самое проверенное. И оно не меняется уже давно.

Контрольно-разделительная полоса. Цепь стационарных постов с часовыми. И патрулирование в его лучшем виде, мобильной группой с собакой, никто не отменял. Пса или суку, конечно, можно обвести вокруг пальца. Но только не в случае, если мохнатую не просто вывели в питомнике «Звезда», эвакуированном чуть ли не с клетками, не... Сейчас мохнатые так же, как и вся хитроумная техника, подвергаются апгрейду.

Так что, с какой стороны ни посмотри, новейшее и совершеннейшее, в исполнении Особого подразделения, оказывалось старым добрым. Но с новыми оттенками палитры.

Включая в эти оттенки и мзду, отчехляемую рядовому и офицерскому составу. Контрабандисты столько не платили за ввезенные сигареты, как честные бродяги за проход в колючке. А вот риск никуда не делся, сколько ни плати. Застрахованным от тех, с кем не поделились, мзда никого не делала.

Вот по этой самой причине Урфин с Баркасом платить упорно отказывались. И проникновение «туда» всегда превращалось в рулетку. В смысле, что в игру и в русскую. А уж по ее правилам, тут кому как повезет. Пока везло напарникам.

«Калиток» в Периметре немало. Основные проплачены по абонентской плате и игнорируются ближайшими постами и порой операторами дронов. График патрулей на «Барсах», утешающих бывшую КАД с окрестностями, порой сливали. Но доверять графику не стоило в отличие от чуйки, логики и органов чувств. Ну и наблюдательности.

Появившиеся недавно КОПы – комплексы огневой поддержки – проблема не такая серьезная, как шестиколесные бронированные внедорожники. «Курицы», при всей огневой мощи, по Периметру ходят мало. Роботизированному легкому танку на двух ходулях тут непросто. Так что «курицы» в основном торчали у основных блокпостов. А кто ж полезет в Зону рядом с ними? Верно, только дураки. Ни Урфин, ни Баркас такими никогда себя не считали, чужое мнение игнорировали, а практика только доказывала их правоту.

Где-то вдалеке виднелась светлеющая полоса нормального неба. Над Зоной царила полнейшая темень. Темнота – друг молодежи, аномалий и мутантов. Но уж точно не сталкеров. Только деваться некуда, коли принципы такие... Не платишь? Вперед-вперед, ползком в нуж-

ную точку. Потом на карачках, потом снова ползком, потом еще и бегом. Хотя если «бегом», то плохо. Значит, спалился и по тебе шарашат со всех калибров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.